

Александра Каплунова
Хозяйка болот и кот-обормот

«Литнет»

2025

Каплунова А.

Хозяйка болот и кот-обормот / А. Каплунова — «Литнет», 2025

Дожили! Доязвилась! Меня, потомственную ведьму, сослали в самую глухую болотную дырень! Целый год теперь прозябать в избушке-сараюшке в окружении кикимор и болотниц. Еще и кот-обормот поселился на чердаке, запасы мои таскает! И ладно бы главной проблемой стала кошачья шерсть, но каждую ночь, стоит только уснуть, кто-то целует меня так, что потом сердце сводится до утра... Да что здесь вообще происходит?! А на болотах еще кто-то песни воет, что аж волосы дыбом. Селяне шепчутся, мол, если ты Смотрительница – порядок наводи и песняров этих нерадивых выпроваживай. А я что? Придется разбираться! В истории вас ждут: ☆☆ #Ведьмовская_Жизнь – ворожба, танцы под луной и дурно пахнущие зелья #Кот_Обормот – пушистый, наглый и чертовски загадочный сосед со своей тайной #Болотная_Нечисть – кикиморы, лешие и те, кто по ночам воют под окнами. ♥# #Любовная_Линия – вкрадчивые голоса, жаркие взгляды и сердечко, что бьется часто-часто! #Сельские_Будни – жители с характером. От “Сжечь Ведьму!” до “помогите, госпожа!” #Тайны_И_Приключения – квест на год: выжить, разгадать все, не сойти с ума и... влюбиться? Однотомник! Но входит в серию о ведьмочках на практике! Истории читаются отдельно! Аудио бонус к истории в блоге -Вторая история цикла здесь: Бонусная история про Тишалея:

© Каплунова А., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Глава 1	5
Приветствие	8
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	17
Глава 5	20
Глава 6	25
Глава 7	31
Глава 8	38
Глава 9	42
Глава 10	51
Глава 11	55
Глава 12	58
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Глава 1

– Ох, душенька! Кто-ж тебя так?! – управляющая порталом уже полчаса кряду страдальчески вздыхала над моим направлением. И я была с ней абсолютно солидарна.

Кто ж меня так? Да одна порядочная ск... то есть, многоуважаемый ректор Вражновский. Мастер интриг и великий каратель студентов.

Место, куда меня отправляли на практику – болото. Нет, не в переносном смысле, не метафора. Самое настоящее, сочное, ароматное болото в режиме “все включено”: жирные, оголодавшие до человеческой кровушки, комары, жабы серенады по ночам и коллекция нечисти на любой вкус.

Год! Целый год мне предстоит быть зрителем самой жуткой болотной глуши. Следить, чтобы нечисть не вошла в раж и не сожрала местных простолюдинов. Заодно и помогать им. И нечисти, и простолюдинам... Такая вот "награда" за пять лет отличной учебы! Кому-то кабинет и отчетики, кому-то башни и спокойствие, а мне билет в болото за острый язык и ведьмин гонор.

Всемиловитый ректор был ужасненько рад, выдавая мне направление.

Ай, ну и ладно. Что мне теперь, плакать что ли?

Затаив дыхание, я крепче сжала ляжку своей сумки и шагнула в порталную арку.

Судя по описанию ничего кроме топи и одинокой избушки-сараяшки, там ждать не приходилось. Поэтому я вот вообще не удивилась, когда обнаружила себя, стоящей почти по колено в зеленой мерзопакостной жиже.

Арка портала за моей спиной сиротливо мигнула, будто извиняясь, что выплюнула меня в этом месте. И погасла, оставляя в уютнейшем полумраке.

Лунный свет, болотные огни, заросшая тропка и нарастающий гул комаров.

М-м-м! Не жизнь, а мечта!

Поперминавшись с ноги на ногу, я убедилась, что дно вполне устойчивое. Сапоги, благо заговоренные, не промокали.

В несколько шагов я добралась до тропы... ну, или того, что ею когда-то было. Здесь уже было относительно сухо.

Огляделась.

В сумраке впереди виднелись деревянные мостки. Хлипенькие, гниленькие. Ну, лучше, чем ничего. Пока к ним шла, прислушалась... Ветер колыхал листву. Где-то ухнула сова. И тишина. Зловещая такая.

Аж мурашки по спине побежали. Пришлось плечами передернуть, чтоб их отогнать.

Я пошла по мосткам, уповая, что они-таки приведут меня к избушке.

Не прогадала. В центре болотного озерца возвышалась она на каменном острове.

Бревенчатая, когда-то добротная, сейчас избенка выглядела изрядно покосившейся.

Сколько же здесь зрителя не было?

Крыша съехала на один бок, ставни отвалились, дверь вся мхом поросла.

Красота!

Я заставила себя улыбнуться.

Зато все мое! В общежитии пять лет кряду я делила комнату с тремя соседками. А здесь целая изба и вся мне!

По бытовой магии у меня всегда “отлично” было, как-нибудь да приведу в порядок!

Поймав позитивный настрой, я бодренько зашагала по мосткам через озерцо. На ходу и подол подсушила простеньким заклинанием.

И ведь почти дошла... Но тут на щиколотке сомкнулись чьи-то длинные бледные пальцы.

Почему, спрашивается, нельзя было отправиться сюда утром? При свете дня нечисть по большей части спит. Всяк безопаснее...

Но распределение прошло пару часов назад. Направление получил – выметайся из общаги. Искать же себе ночлег было не с руки... Я хоть и из древнего рода, а денег не особо водится, чтобы зазря тратиться. Не привыкла я транжирить.

Так что проще было сразу сюда отправиться.

Темноты я не боялась, выпалась утром, так чего б нет?

А вот чего... Нечисть, в отличии от меня, знакомство решила начать сразу.

Я шарахнула по наглой ручонке искрами, но меня уже дернули к воде.

Поскользнувшись на шатком мостике, я потеряла равновесие, пребольно грохнулась на бок и выронила сумку. Благо не в воду.

Зато к первой, уже обожженной ручонке, другие подключились. Теперь меня в воду тащили за обе ноги в четыре руки. А я до сих пор не понял кто это! Только макушки черноволосые из воды торчат! Мавки, может? Или болотницы?

Хотя нет, у последних перепонки должны быть, а у этих пальцы длинные, тонкие.

– Да чтоб вас! – я что было сил лягнула, угодив одной из засранок каблуком в лоб. Тотчас они из воды свои морды и повысовывали. Зашипели, рты лягушачьи растягивая.

Водяницы!

Глазищи огромные, черные, без белка вовсе. Волосы патлами мокрыми лица, плечи и спину облепляют.

Тянуть меня пуще прежнего принялись. За подол пальцами тащат, шипят, как кошки разозленные. Гостеприимно, ничего не скажешь!

– Светом животворящим! – я снова шарахнула их жгучими искрами. Квинтэссенция светлой магии – то, что нужно от такой нечисти!

Полыхнуло, как фейерверком. Эти-то водяницы отпрянули, в воду ныряя живенько. Обожженные.

Только во вспышке этой обнаружила я прелестнейшую картину – из воды на меня и искры мной пущенные смотрело не меньше пары десятков таких же черных очей.

Зашибись, какая романтика! Только луна, болото и я, гонимая нечистью.

Доски под каблуками жалобно застонали, когда я кинулась наутек. Назад предпочитала не смотреть. Там уже активно плескались мои новые "подруги", и звуков мне хватало с лихвой для ускорения. Похоже, световая шоу-программа их не особо впечатлила. Теперь по обе стороны мостков чернели макушки, а вода подозрительно бурлила.

– Ну, только попробуйте, – сквозь зубы прошипела я, снова кидаясь искрами. На этот раз просто наотмашь. Недовольное шипение стало ответом, но плеск ничуть не стих.

Озеро казалось бесконечным, а эти чертовы мостки самой настоящей полосой препятствий. То доска под ногой внезапно прогнется, то вовсе дырой встретит. В некоторых местах так вообще под воду они ушли, что пришлось на свой страх и риск туда соваться. Да и сумка, зараза, все норовила соскользнуть с плеча, будто ей тоже хотелось окунуться.

Водяницы не отставали, шипели, плескались, а одна особо наглая даже попробовала за край мостков ухватиться. – Ишь ты! – огрела ее пяткой по пальцам, пока она целиком не вылезла. В ответ из воды донесся возмущенный квакающий вопль, будто я обидела их коллективное болотное достоинство. Ага! А ничего, что это меня тут сожрать хотят, вместо того, чтоб встретить хлебом-солью?!

Избушка была уже совсем рядом. Света в окнах ноль, а камни вокруг, как назло, мокрые и скользкие. Лесенка деревянная, вся давно сгнила, одни перила шаткие остались. – Осталось только не убиться на финишной прямой, – пробубнила я себе под нос и, собрав последние силы, рванула вперед.

Тут уж водяницы решили не останавливаться на полумерах, почуяли, что добыча уходит. Из воды выскочили сразу вчетвером. Животами на мостки поплюхались, и давай за ноги, за подол, за что только могли хвататься.
 Мостки качнулись, я едва не полетела в воду, но каким-то чудом удержалась, отмахнулась, отпихнулась и, чертыхаясь, почти на четвереньках доползла до каменного берега островка.

Ранить сильно их было нельзя... Все ж придется еще дружбу налаживать, если я не хочу весь год тут запертой в избе просидеть. Так что отбивалась в половину от полсилы.

Избушка стояла совсем рядом, и я, не раздумывая, влетела внутрь, хлопнула дверью и прислонилась к ней спиной, ловя рваное дыхание.
 За дверью плескалось, шипело, ворчало, но внутрь не лезло. Жилище смотрителя завсегда было обнесено защитой. И та уж точно никуда не делась бы и за сотню лет. Поэтому тут я себе позволила дыхание перевести.
 – Спасибо, ректор, за чудесное место практики! – вместо ответа мне на голову свалился какой-то жук.

Раздраженно стряхнув его, я едва удержалась от вскрика. Ну не любила я всяких многоногих...

Ладно. Сумка выжила, я вроде тоже.

Можно и выдохнуть.
 Избушка встретила меня тишиной и запахом отсыревшей древесины.
 – С почином, смотрительница, – заворчала я, сползая по двери на пол.

И только теперь поняла – жить здесь будет весело. Особенно, если доживу до утра.

Приветствие

☆☆ Дорогие читатели! ☆☆

Приветствую вас в моей новой истории!
 Вместе с нашей ведьмочкой мы попробуем навести порядок в этом захудалом месте.

Вас ждет уютная история о том, как болото может стать домом, а иногда – и новым шансом на счастье... Все зависит только от нас и чуть-чуть от того, с кем судьба решит нас столкнуть.

Без любви здесь тоже не обойдется!

Хэппи Энд обязательно!

Готовы познакомиться с героиней? Молодая ведьмочка, умелая и неунывающая!

Ей предстоит немало испытаний, но она точно справится!

А вот и домик наш:

С любовью, ваша Александра! ##

Ну а мы возвращаемся к истории!

Глава 2

До утра я дожила. И даже относительно целой. Если не считать трагически погибшего ногтя, включенных с вечера волос и внезапно расцветшей аллергии на пыль (боги, да кто вообще мог здесь не чихать?).

Ночь, к счастью, прошла без гостей. Водяницы шалили только за окном, к защите избушки и не думали лезть. Внутри, правда, скучать тоже не пришлось. Я говорила, что не люблю многоногих? Так вот тут в компанию ко мне напросились и полчища пауков, и жуков всяческих, да и прочих ползучих энтузиастов. Кажется, радость наша при взгляде друг на друга, была сильно взаимной.

Терпеть друг друга мы все равно не собирались, и на правах новой хозяйки я погнала гадов метлой. Посмахивала сикарах в щели, а после начертила прямо на досках защитный круг. От греха, вернее, от жуков, подальше. А то еще во сне в рот заползут, я ведь точно с ума сойду.

Утра вечера мудренее... решила и завалилась спать прямо на свой, условно очищенный, пяточок. Благо в моей сумке, что при том была и отличным артефактом, способным в себя впихнуть невпихуемое, нашелся старый теплый спальник.

А уж с первым рассветным лучом, когда на улице все затихло, я встала, помятая и злая, и наконец взялась за генеральную зачистку. Всклоченная, нос чешется, глаза слезятся, настроение паршивое. Ну настоящая ведьма!

Избушка встретила меня обреченным молчанием... Кажется, она к такой встрече была не готова. Но это ничего... Это мы еще все исправим и радоваться друг другу станем. Я во всем старалась плюсы искать. И здесь они были однозначно! Внутри – раздолье! Огромная комната с низким потолком, подзакопченными балками и стенами, где кое-как проступал старинный резной орнамент. Она была в разы больше нашей общей общажной! Есть, где развернуться.

Вдоль одной стены ютился потрепанный стол с кривыми ножками и лавка, явно повидавшая не одного зрителя. Печь громадная, от нее и полати тянулись под потолком, спать будет – красота... Только вот по краю кирпича цвела плесень в художественном беспорядке. Стиль “природный модерн”, не иначе. По углам комнаты – сундуки, обвязанные паутиной, да пухлятые ведра. Штук десять, ведер-то! Куда, спрашивается, столько? А под потолком целая коллекция сушеного непонятно-чего: от трав до хвостов кого-то, уже вовсе неопределенного.

В окне по стеклу уныло стекали капельки росы. Ну, тут тоже спасибо, что хоть целы! Еще и витражные.

Ну что ж, пора брать быка за рога. Вернее, метлу за ручку.

– Так, дорогая избушка, дружить тебе с ведьмой, привыкай к цивилизации! – пробурчала я, катая между пальцев амулет с гравировкой “домашнегармония+”.

Я крутанула метлу, и та задержалась в руках. Метелочка моя ворожбу любила.
– Пошло-поехало... Расширение сознания, свет очищения, круг очищающей воли... – зашептала я и замкнула пальцы в нужный жест.

Вслед за новым взмахом метлы по полу прокатился ветерок, пыль за клубилась, свернулась в облако с серо-зеленым отливом (а ведь я даже не трогала зелья!), и хлопбысь! сама потянулась к окнам и опрометью махнула наружу.

Пауки с возмущенным писком (да что я вру, скорее с отчаянной тишиной) рванули в разные стороны, а жуки, собирая манатки, попытались запрячься в щели.

Э-э-э, нет, так дело не пойдет. Еще один взмах метелочкой, и всех этих ушлых товарищей повыковыривало из всех щелочек и дырочек. Следом за облаком пыли отправились они за пределы моего островка. Нет, в болото их стряхивать я не стала... что я, живодерка какая? До леса уж докинула.

Стол, лавку и сундуки я окропила отваром из одной интересной бутылочки с надписью “радость первозданной чистоты”.

Тут грязь сразу отошла, а древесина приобрела приятный медовый оттенок. Жаль, зелье было дорогое... Я бы им иначе всю избу облила.

Что-что, а чистоту я любила, как и уют в доме. Потому всяческих снадобий и артефактивов водилось у меня с избытком. Там, где бытовой магии становилось недостаточно, в ход шли они.

Окна вот тоже протерла, стеклышки разноцветные заиграли лучами по полу. Уже в избушке стало дышать легче.

Печь, правда, долго не желала сотрудничать... Я даже взмокнуть успела, пока дымоход прочищала. Старой листвы туда намело, веток каких-то. На каменном островке откуда они тут?! И, представьте...

– Ага, здравствуйте, мистер дохлый барсук... Вот уж кого я не ожидала встретить с утра пораньше. Радость ты таксидермиста!

Барсук отправился в болото... Радовать водяниц.

Нет, у меня, конечно, возникла мысль похоронить бедолагу со всеми почестями, но где в местных лесах найти хоть какую-то пригодную для копания почву, я так и не придумала.

Плесень с кирпича тоже пришлось выводить и магией, и зельями... В конце концов и та не выдержала давления, забурчала, сползла в тазик, а дальше отправилась вслед за барсуком.

– Вот теперь совсем другое дело! – довольно огляделась я.

Паутина в углах сменилась аккуратными пучками сушеных трав из моих запасов. Сразу и аромат иной в избе поплыл. Вместо пыли по полу стелилась теперь мягкая ковровая дорожка, а печь белизной сияла. В запасе у меня еще много всяких штучек домашних имелось, но они обожгут в моей артефактной сумочке.

Оставалось самое сложное – саму конструкцию чуть приподнять и укрепить как внутри, так и снаружи. А то как бы крыша ночью на меня не свалилась.

Но чтобы оценить масштаб бедствия, мне пришлось лезть на чердак. Лесенка в дальнем углу за печкой вела как раз на него.

Поднявшись по ней, я со скрипом отворила небольшой лючок. Запустила внутрь сперва пару светящихся огоньков, прислушалась... Нечисти там тоже быть не должно. Жуков-пауков я со всего дома вывела. Ну, ладно.

Сунулась туда, почти по пояс уже поднялась, как вдруг в лицо мне, с яростным воплем кинулось что-то меховое.

Я закричала, увернулась, благо, но ударилась затылком о люк. Тут уже и от боли зашипела. Одной рукой успела хоть за лесенку схватиться, а то бы точно полетела. А второй швырнула наугад магический сгусток.

В воздухе запахло паленой шерстью и почему-то карамелью...

Затылок потереть пришлось, чтобы боль унять. В ушах вон до сих пор гудело. Так ловко мне давно не прилетало.

Я уже готова была к новой обороне, но чердак объялся абсолютной, настораживающей тишиной, нарушаемой лишь моим собственным сердцебиением.

Конечно, можно было подумать, что все это мне показалось, но что, я, совсем что ли?

– Эй? Кто тут? Я квартирантов на постой не пускала... – пробормотала я.

Светляка хотела вызвать, но не стала. Мало ль тварюшка, что здесь обитает, света боится? Я-то не живодерка.

Один огонек только слабый зажгла, что над головой моей повис, да взобралась на чердак целиком. Глаза потихоньку привыкали к полутьме.

На мой вопрос, конечно, никто не ответил. Стоило ли ожидать? Зато смогла рассмотреть, что тут творилось: покосившиеся потолочные балки, которые, впрочем, не отдавали гнилью

и казались вполне себе крепкими. Только посъезжали с мест. Ну, это дело поправимое. Не так уж критично. Нужно только правильно схемы расписать и магию куда нужно приложить. Сегодня как раз и займусь.

Что мне не понравилось, так это свисающие паутинки, серые узоры плесени и углы, полные густого мрака. С этим придется поработать. Но позже. Все позже.

Сперва нужно разобраться с моим неожиданным гостем.

Я осторожно шагнула вперед, придерживая наготове легкий разряд электричества. Кидаться здесь искрами было бы опрометчиво.

Светлое пятно моего волшебного огонька скользнуло по деревянным стенам, выхватывая из темноты то жухлые листья, то мумифицированную мышь, то лоскут странной черной ткани...

Так... Стоп. Что?

“Ткань” вдруг, кажется, моргнула.

Я вздрогнула, на миг растерявшись.
В следующий момент по чердаку метнулся темный силуэт. Рраз! И взвился по деревянной стене под самый потолок. А оттуда с балки на меня уставился, глазами янтарными блистая.

– Ну, здравствуйте, – я не спешила приближаться, пытаюсь разглядеть, кто там. Не нечисть. Видать, зверь какой-то. С леса, может, прибилась? – Да кто ж ты такой?

Я медленно шагнула еще ближе, но тварюшка вдруг выгнулась, когти блеснули, зашипела.

Кот?!

Откуда в доме посреди леса может быть кот? В деревне где-то или в городе, это я еще понимаю, но здесь?

– Киса-киса-киса, – я неспешно руку потянула, но мне в ответ только шипение еще сильнее, еще громче. Еще и урчит опасно так. – Ла-а-адно...

Я прищурилась, в голове план заделался. Я к лестнице обратно поспешила, спустилась. Полезла в свою чудо-сумку и не без труда выудила оттуда холодильный ларь.

С грохотом поставила его у стенок.

– Что ж ты такой тяжелый! Собака... – откинула крышку и сама облизнулась... Еды я туда напихала с лихвой.

Тут же вспомнилось, что я вчера не поужинала вовсе, а сегодня и без завтрака осталась. Нашла глазами вязанку сосисок и отчекрыжила парочку. Одну почистила и себе в рот наспех сунула, некогда было сейчас едой толковой заниматься. Вторую же прихватила с собой.

Вновь поднявшись на чердак, я огляделась. Котище все еще восседал на балке под потолком. Глаза сверкали янтарем, и это меня вновь подивило. Разве они не должны быть зелеными? Впрочем, в котах я не слишком разбиралась. Одно только наверняка знала...

– Ну, а теперь что скажешь? – я помахала сосиской.

Кот недоверчиво покосился на меня с высоты балки, шевельнул усами, шипеть уже не торопился. Впрочем, как и слезать.
Я вздохнула, сдерживая раздражение и прогоняя робкую, почти детскую надежду на легкую дружбу.

– Ну, дружок, давай же, – я аккуратно положила сосиску перед собой, отошла и встала. Не слишком близко, чтобы не спугнуть, но и не настолько далеко, чтобы он счел, что я ушла. – Не доверяешь? И правильно. Я бы на твоём месте тоже не верила ведьмам.

Кот прищурился, посмотрел с любопытством. Снова принюхиваться стал и даже облизнулся, сверкнув остроухим профилем в мутном свете огоньков. На секунду мне почудилось, что взгляд его стал почти человеческим – уж слишком осмысленно он поочередно разглядывал меня и сосиску.

– Слезай, я тебе зла не желаю, – продолжала увещевать я, понизив голос. – Мне тут врагов не надобно. А котик ведьме завсегда пригодится.

Мохнатый приподнялся, взглядом нашел сосисочку. Второй раз облизнулся, неторопливо, не спеша. И все же спрыгнул на пол. Доски под ним аж дрогнули, покривились чуть – котяра был едва чуть ниже моего колена, не то зверь, не то мистический страж. Шерсть черна настолько, словно свет впитывала, а не отражала. Хвост по полу стелится, только кончик подрагивает нервно.

Он сделал нерешительный шаг, потом еще. Янтарные глаза настороженные, уши по боевому отведены назад – но сосиска сильнее подспудного страха. Еще пару шагов, и... Я аж назад шарахнулась! Как кинулся! Но только на сосиску, а не на меня. Схватил ее зубами – и как суeta во плоти помчался во тьму. Только мохнатая задняя часть в призрачном свете и мелькнула.

– Да будто я отбирать стану, – усмехнулась я, вытирая запыленные руки о подол. – Больно надо!

Из угла мне ответило глухое, победное чавканье и утробное, голодное урчание, от которого даже пол под моими ногами вибрировал мелкой дрожью.

– Ну, другое дело, – выдохнула я, и потянулась к боковой стене, где скопилось больше всего барахла. Я размножила огоньки, чтобы видеть, что где по углам пылится, да и чтобы зверю моего света не бояться лишний раз. Чердак оказался лабиринтом: коробки под холстинами, старинные сундуки, какая-то мебель со снятыми дверцами, утварь... Бог весть, какой тут хлам накапливался десятилетиями. Странно, но в этом хаосе мне отчего-то становилось уютнее. Уж лучше, чем пустующий полумрак.

Я шла вдоль хлипких стопок составленной посуды, разглядывая полку с засохшими травами и кувшинами, когда вдруг котяра, как бешеный вихрь выскочил из темноты прямо передо мной.

Встал, перекрывая проход: лохматый, огромный, весь распушился, шипит. Янтарные глаза сверкают тревогой, но не страхом. Тут скорее вызов, даже... предупреждение?

– Да ну что опять?! – я замерла, не решаясь ни двинуться, ни применить магию. А он вдруг сорвался с места и рванул ко мне.

Я растерялась. Сердце застучало синичкой перепуганной. Сама не заметила, как отступила шаг, другой. Под ногами что-то противно катнулось, я поскользнулась, руки подняла инстинктивно, но не удержалась, грохнулась на спину, затылком приложилась о что-то жесткое.

В глазах полыхнуло. Сердце сжалось от боли... или от того, что сверху на меня обрушилось мохнатое чудище.

Я распахнула глаза, а надо мной котище, и так близко, что его горячее дыхание обдаёт щеки. Передние лапы прямо у меня на груди, когти чуть вышли, но не впиваются. Шипит с урчанием и угрозой явственной. В его янтарных глазах вдруг мелькнула тень... и еще что-то. Что? Жалость? Испуг? Смятение? Мгновение, и этот взгляд сверкнул чем-то нечеловеческим, тянущим, как омут.

Мы оба застыли, боясь шелохнуться.

Кот вдруг перевел взгляд вниз, на свои лапы. Словно спохватился, будто понял, что делает. Коготки чуть привыпустил, пожаткал мне по груди, точно что-то там интересное нащупывал. Фыркнул неожиданно, мордой тряхнул. А дальше – одним прыжком соскочил, ускользнул, мягкий и стремительный, в сторону маленького круглого окна. В последний момент махнул хвостом, как попрощался, и выскользнул в сумрак, плавно исчезнув из виду.

Я осталась лежать на полу, пытаюсь вернуть дыхание и понять, что, черт побери, это только что было. Только платье все шерсти и пыли теперь!

– Паскуда какая... – прошипела я обиженно. Я ж на него целую сосиску извела! Так он меня “отблагодарил”?

Поднялась, отряхнулась.

Ну да ладно... Чердак сам себя не разберет. А балками, пожалуй, и правда стоит заняться, пока у меня сердце на месте, а кот не придумал новых сюрпризов.

Спать в таком покосившемся домишке еще одну ночь явный перебор.

Глава 3

Мелок у меня всегда при себе в кармашке на поясе имелся. Уж это еще с детства усвоила: без белого камушка ведьме не обойтись ни в готовке зелий, ни в защите, ни в ворожбе по мелким бытовым делам. А сегодня задача была нешуточная – поднять избу, что от времени в землю просела, да балки и другие несущие конструкции на место поставить и укрепить.

Я прошлась по чердаку, нащупывая в кармане заветный кусочек мела – гладкий, со сколотым краешком. Перебирая в памяти старые схемы, я стала очищать пяточок в центре чердака от баракла и пыли.

Пришлось подвигать тяжелые коробки, от чего я малость упрела. От пыли так опять расчихалась... Надо было метелочку взять, с ней бы вмиг от этой дряни избавилась. Но теперь уж вниз спускаться не стала.

Оглядевшись, прикинула, что места достаточно, и стала чертить прямо по полу жирный круг – основание будущей схемы. В бытовой магии почти все на кругах строилось. И чертежи и движения, жесты всякие.

После добавила к нему еще два: первый – для балок и крыши, чтобы распрямились наконец, второй – защитный, чтобы дом не перекосялся при ударе энергии в другую сторону, или не рухнул вовсе.

Признаться честно, подобные ритуалы я давненько не проводила, курсе на третьем только. Когда проходили мы такое. Но как сейчас помню, энергию оно сосет знатно. Придется потом либо зелья тонизирующие пить, либо ждать несколько дней, пока само восстановится.

Когда с кругами покончила, еще раз прикинула количество балок, что нужно было на место поставить или укрепить дополнительно. Возле стены отчеркнула прямоугольник, где на первом этаже стол стоял обеденный. Там добавила ромбик и вписала в него руну благополучия и достатка. Лишним не будет. А в том месте, где под чердаком полати расположились, нанесла руны спокойствия и благодати.

Кое-где правда пришлось все равно словно наугад ткнуть пальцем, отмеряя шаги от стены до окна и обратно, прикидывая: а хватит ли запаса, не порушится ли крыльцо при подступе энергии?

И лишь когда раз пять уже все проверила, решила, что довольно. Вроде все ладно вышло, как нужно. Схема стала похожа на переплетение корней старого дуба – сложные круги, линии-переходы, угловатые символы, будто мосты между мирами. В центре самый большой из кругов, заполненный рунами и другими письменами, что магию станут направлять.

Вдохнула поглубже, вытерла лоб. Волосы на висках влажные стали, лицо и руки в пыли, да в мелу, но то лишь полбеда.

Встав в центре круга, достала из-за пазухи медную подвеску, вынула щепотку соли – на удачу и от всякой дурной энергии. Стиснув ее в ладони, я зашептала:

*– Земля и дом, косой да ветхий...
 Сквозняками битый, ветром стертый,
 Да не падет в трясицу и не исчезнет,
 Пусть встанет прочно, словно навечно.*

*Я – ведающая дочь этой земли,
 Где дом – там сердце, где кров – там семья.*

*Пусть стены выпрямятся,
 Пусть крыша не течет,
 Пусть балки крепнут от заклатья сего,
 А корни прорастут глубоко под пол,
 Чтоб ни буря, ни зима не разрушили сей угол.*

*Земля, дай силы,
 Огонь, теплом поделись,
 Воздух, вынеси хворь,
 Вода, смой дурное.*

Пусть покосившаяся изба вспрянет, да на века станет опорой!

С каждым словом воздух в комнате густел, чуть колебался, будто волна прокатилась сначала по полу, потом по стенам и вверх, к крыше.

Я замерла, почувствовала, как доски под ногами наполняются упругой силой. По полу пошла дрожь... Заскрипело, загрохотало, все ходуном пошло. Мне пришлось аж руки в стороны расставить, чтобы равновесие удержать. Главное из центра никуда не шаркнуть.

Вдруг позади что-то скрежетнуло. Опасно так, стремненько. Я все же дернулась, суматошно сиюсья сообразить, где могла напортачить.

И тут вдруг заметила, что все ж одну из рун, похоже, чуть смазала... Вот, проклятие на мою голову!

Символ, что значил “улица”, превратился в “курица”!

– Какая, к чертам, курица!? – я едва не взвыла. Да что я за дилетантка!? Еще отличница!

Изба снова вздрогнула, по балкам пробежал звонкий хруст. Щели на глазах затянулись, древесина засветилась теплым рассеянным светом. Ну, хоть здесь все ладно пошло.

Я еле стояла на ногах. Ловила ртом воздух и вытирала ладонью лоб. Силу из меня пило с лихвой, прерываться ни в коем разе нельзя было. И оставалось лишь гадать, к чему эта улица-курица приведет!

Щели-то все затянуло, балки на место встали, все, вроде прилично стало казаться, но тут вдруг, словно последний аккорд в этой феерии моей дурости, изба устремилась куда-то вверх! Лихо так, я прямо на задницу и шлепнулась. Благо еще чего из рун не задела.

А мигом позже тишина настала. Зловещая...

Убедившись, что и силу из меня больше не тянет, что заклятие свое отработало, я к окну метнулась, наружу высунулась и чуть не опешила! Избушка моя метров на пять выше стала!

Да вот только с окна этого неясно было, что там такое вообще случилось, потому поспешила я к люку на первый этаж.

Ну что, доколдовалась, Ядвига?

По лестнице слетела так, что едва не свалилась. Последние ступеньки коленками пересчитала. Зашипела и припрыгивая поспешила к входной двери.

А едва ее распахнула, чуть не вывалилась. До земли лететь не перелететь!

Дверь-то наружу открывалась, ее ветром дернуло, а меня следом. Не выпустила бы, так бы и рухнула. А так испугом отделалась да глазами навывкате.

Чуть высунулась вперед и поглядела вниз. Под избушкой пустота образовалась, не ясно ничего. Что она, в воздухе парит в самом деле?

Но словно в ответ на мои вопросы, избушка вдруг снова двигаться началась. Качнулась влево-вправо, что все опять по полу покатилося.

– Да чтоб тебя! – охнула, хватаясь за косяк дверной.

Нет, надо быстрее разбираться, что там такое происходит под избой, пока все вверх дном не перевернулось!

Только спуститься с такой верхоуры было б точно сложно. На себя левитацию накладывать чревато – не так расчет произведешь, вечно с одной ногой задранной в воздух ходить станешь. А с сегодняшней моей удачливостью...

Заозиралась. Взгляд на ступку наткнулся. Деревянная такая, выдавшая виды, еще, наверное, от прошлых хозяев.

Пришлось поднапрячься, чтоб ее увеличить. Под конец, пожалуй, перебрала даже, теперь туда не одна я, а две разом влезут. И вот на ступку эту гигантскую уже левитацию накладывать стала. Повозиться пришлось, конечно, но всяк безопаснее прочего.

Едва та над полом восприлила чутка, я табурет приставила и внутрь залезла. Метелочкой пришлось себе подсобить, чтобы движение начать, мои-то силы уже на исходе были.

Знаю, что некоторые ведьмочки и на своих метлах летать умудрялись, но я сию науку так и не освоила. Это ж какое чувство равновесия нужно, чтоб на тонком черенке удержаться?! Так он же еще и впивается пробольно, если на нем всем весом...

А вот в ступе комфортно оказалось. Она мне по грудь высотой вышла, ежели стоя. Точно наружу не опрокинешься.

Вылетела я в дверь распахнутую, вниз направилась.

И тут едва метлу не выронила, так захотелось волосы себе выдрать!

Ноги! Куриные, мать их, ноги! Желтенькие, мозолистые такие, с огромными когтищами!

А чтоб добить меня, она еще и переминалась на них стала! Туда-сюда. Левую вот от земли оторвала, чтоб правую почесать!

Что творится-то, мать честная?! К такому меня жизнь точно не готовила!

Кругом ее облетела, едва не подвывая от отчаяния. Вот дурость-то сотворила! Ректор Вражновский точно бы поглумился, коли бы увидал, что его ученица нелюбимая сотворить умудрилась!

Избушка на курьих ножках! Да такое кому расскажи – не поверят!

Только вот такое дурное недоразумение моей удачливости могло к подобному результату привести...

Я раз десять кругом облетела, пока осознание в мозгу улеглось. Коли б метелочку держать не надобно было б, я себе бы точно все космы повыдергала.

А знаете, что добило меня окончательно? Кот! Тот самый, что сосиску мою запитал без благодарности.

Эта паскуда валялась на камнях, на спине туда-сюда перекаtywаясь и лапками подрыгивая. Я сперва подумала, что припадок у бедолаги, а потом поняла...

Ржет!

Эта черная шерстяная варежка наглым образом по кошачьи пофыркивала и тряслась от беззвучного хохота!

Будь он человеком, гогот точно бы на всю округу стоял.

– Смешно тебе? – я к нему подлетела. Так обидно стало, что даже кот надо мной глумится! – Посмотрю, как посмеешься, когда внутрь попасть захочешь, на чердак свой расчудесный.

Высказала ему обиженно и снова повыше поднялась.

Теперь бы понять, как ее вниз опустить... Или хотя бы заставить стоять спокойно.

Глава 4

Пятый раз облетев избу, поняла я, что на сегодня все равно намагичить ничего не сумею. А проказа эта вроде больше топтаться не собиралась. Стояла смирно.

Тем временем солнце уже коснулось верхушек деревьев, на болото поползла сизая мгла, день клонился к закату. От усталости веки слипались, душа просилась хоть на час забыться под чистым одеялом... Но про отдых говорить было рано: в здешних краях сумерки всегда несут за собой всякую нечисть, а этакое событие, как изба на курьих ногах посреди озера, точно сманит любопытных.

Впрочем, разберемся с ними по мере поступления. А пока что надобно хотя бы поесть нормально.

Едва я, взлохмаченная и злая на свою удачу, залетела обратно в открытую дверь, как со стороны болота послышался мелодичный, переливчатый смех. Я в окошко выглянула, стоит ли привечать гостей али можно просто из окна ручкой помахать.

Из воды же начали на островок выходить девицы-красавицы. Все как на подбор: тонкие, ладные, кожа гладкая и светлая, точно лунным светом выбеленная. Волосы черные, едва из воды они вылезать стали, тут же сухими становились, и на манер плаща тела нагие прикрывали.

А лица! Гордые! Глаза синие и холодные. На лицах чуть выражение чуть насмешливое и брезгливое. Мне захотелось такое же соорудить... Да уж, и эти тоже не будут дружелюбными.

– Смотрите-ка, девы, – первая, самая высокая, вскинула острый подбородок. – Вот и новоселье на острове! Неужто ведьмышка к нам пришла житье строить?

– Да какое там житье, – вторая, с родинкой на щеке, презрительно улыбнулась.

– Смотри, как дом шатается! Прямо чудо болотное, а не хозяйка...

– Дело ли, на нашем болоте такое уродство устраивать? – заключила третья, лениво намазывая локон на палец. – Народ ведь не со страху, а со смеху помирать станет.

Они важно расфыркались, переглядывались, шутили вполголоса, явно ожидая моего внимания. Задеть хотели? Ну-ну.

– Сами ко мне плывете, значит, девоньки, скучно вам? – отозвалась я, свешиваясь в окошко открытое. – Поглумитесь в другом месте да над тем, кому до того дело есть.

Мавки зашипели, будто молодые змейки. Но я нарочно окно захлопнула, мол, не до вас мне, идите-ка своей дорогой. Ну, или плывите.

Сама тем временем печь растопила. Пришла пора и запасы выуживать из сумки. В котелок закинула картошку, несколько сушеных грибов, лука да корешков. Посолила, приговаривая под нос про усталость и напасти. Добрая еда с ведьминым заговорчиком всегда вкуснее будет. За окнами вечернее небо наливалось сиреневым отсветом, а в далеких болотах начали вспыхивать огоньки. Зато в избе уютно было, тепло и пахло теперь вкусно.

Я уж почти расслабилась, похлебка вот доварилась, и только я крышку котла приподняла, чтобы аромат вдохнуть, как раздался истошный, чуть с хрипотцой, мявк с улицы. Такого я еще не слыхала, словно кого заживо дерут! Жутко так! С мольбой явной.

Я даже подскочила и крышку обратно на котелок плюхнула. – Черт бы тебя взял, харя ты лохматая! – поспешила к окну и снова наружу выглянула.

Звонкий смех мавок разошелся эхом по округе.

У самой кромки воды они столпились кучкой, а посреди того круга – мой хвостатый бедокур, прижавшийся к земле и глядящий исподлюбья с почти человеческим возмущением. Мавки кружили вокруг, заслоняя дорогу к отступлению. Да и куда сбежишь-то на острове? На мостки же они ему пути не давали.

– Ай-ай, наглый зверь, – ласково мурлыкала первая, – до заката еще целый час... Не прячься, котик, покажись получше!

- Ты сколько нам покоя не давал?
- И селедками обзывал! – подначивали другие.
- Теперь сам под засолку пойдешь, сладенький...

Под их смех и поддразнивания у кота шерсть встала дыбом. Он выгибался, кидался на них, шипел с угрозой. Но мавкам то лишь забавой казалось.

- Вот паскудство, – ругнулась я. Дело ли всем вместе одного котяру окружать...

Ругаясь на свою доброту и переживательность, я снова в ступу заскочила да поспешила наружу. Вниз на них махом кинулась, что мавки в разные стороны с визгом кинулись. В воду тут же попрыгали, когда я на них еще и метлой замахала.

- Ненормальная!

– От ненормальных слышу! – рявкнула на них. Еще и искрами сыпанула, хотя у самой уж силы на исходе были.

Кота мимоходом за шкуру схватила. Он еще, каналья! брыкнуться попробовал, но я его уже в ступу сунула, молясь про себя, чтоб он мне ноги не разодрал.

Впрочем, он только мяукнул жалобно, ни когтей, ни другого недовольства боле не выказывая. Тогда уж обратно в избу воротились.

– Ты теперь мой должник, – отметила я, выпрыгивая из своего тарантаса летучего. – Дважды при том. За сосиску тоже должен.

Кот деловито вскочил на кромку ступы, морду лапой протер и на меня поглядел, чуть склонив голову.

– И не смотри так. Не разжалобишь. Я вон вообще скоро записывать начну долги твои, если так дальше пойдет.

Кот фыркнул в ответ, на пол спрыгнул и знай себе обратно на чердак полез.

- Мог бы и спасибо сказать, а?

В ответ ни слова. Хотя чего я ждала? Животные редко говорящие встречались. Хотя чувствует мое сердечко, и этот лохматый, ой как не прост.

- Ну и сиди, там! Будто мне твоя компания надобна!

Я наконец поела... После тяжелого дня в трудах это стало настоящей отрадой. Потом и умылась, сил на очищающие заклęcia не осталось.

Печка тем временем и дом прогрела-просушила. Я расстелила на полотах чистую постель и залезла туда с явным облегчением... Подхватила одеяло, закуталась, мысли из головы повыкидывала...

Дрема накрыла мягко, я почти погрузилась в забытие, только вот... знала бы, что эта ночь мне принесет, может и охранку бы какую поставила.

Но я, конечно, ничегошеньки не подозревала.

Дрема едва меня коснулась, окутала легкостью, позволяя наконец-то расслабиться... Денек тот еще. Сплошные приключения.

Почти уж в сон провалилась, когда ощутила рядом движение. Едва заметное, что я и проснуться толком не сумела. Умаялась за день, еще и магии столько выплеснула, тут любой бы мертвецким сном забылся.

Но где-то на грани сна все же ощущала чье-то присутствие. Нечисть никакая в избу залезть не могла... может, кот пришел?

Поворочалась, но уже через несколько секунд легко стало так, спокойно. Благостно. Словно кто-то мне тихо песню пел колыбельную. Баюкал. Тепло печи, мягкая постель... и слова ласковые.

##
 Спи, моя ведьма, в объятиях ночи,
 По ветру стелется шелк твоих кос.
 Я принесу тебе сны этой ночью,
 Стану мурлыкой в кружеве грез.

Спи, моя сладкая, выдохни боль,
 Пусть забирает трясина беду.
 Я для тебя превращу эту хворь
 В нежность, в заботу, в любую мечту.

Я охраняю твой сон до утра,
 Мягко и хищно храню у огня,
 Песню пою: пусть не тронет беда,
 Ведь я – твоё счастье, твоя тишина...

##

И с последним тихим куплетом сон уже с головой охватил меня.

На краю сознания робкой тряпочкой маячил тревогой красный флаг, но слова песни были куда более терпкими и проникали аккуратно в мою уставшую головушку.

Глубоко-глубоко.

...А после вдруг губы жаром опалило.

Сначала осторожно, точно спугнуть побоялось. Я и не поняла сперва, что это такое. Но так сладко стало, тело тотчас негой напиталось. Разомлела мигом и сама уж губы приоткрыла.

Тогда уж целовать меня иначе принялось – требовательно, куда как смелее. Обожгло, будто пламенем костра яркого, что захотелось забыться, не выныривать из сладостного плена. Потянулась даже, чтобы обнять. Хотелось еще больше, еще сильнее притиснуться. Не хватало этого... мало было. Жадность разыграла. Но руки мои тут же к полатам за запястья пригвоздило. Не далось.

– Ведьма... – выдохнуло мне в губы. Голос мужской, бархатный. – Нежься, но руками не трогай.

Внутри на расклад такой протест разыграл. Это чего это он мне указывает?

Тут-то я встрепенулась. Чужой вес поверх моего мигом ощутился. Глаза-таки распахнула. Вокруг тьма крошечная! Ни зги не видно! А совсем рядом, по щеке чей-то прерывистый сожалеющий вздох скользнул.

Еще секунда и два янтарных глаза передо мной, смотрят в самую душу. Голодные, пламенеющие.

– И зачем проснулась? – с сожалением горьким то прозвучало, да еще будто бы с усмешкою горькой. – Неужто колыбельная моя не по нраву пришлась?

Я вся обмерла... На миг правда только. Пока с мыслями собиралась.

Но едва все внутри взбунтовалось, и я уж решила незваного целовальщика магией шарануть, как все исчезло.

На постели села порывисто, сердце в груди сводится, как ненормальное... Заозиралась, вокруг светло вдруг стало, рассвет уже занялся над болотами.

Приснилось что ли?

Да только на губах горело до сих пор... А на языке привкус малиновый ощущался.

Я поисковика закинула по избе. За ночь силы колдовские восстановились почти наполовину, но огонек вернулся ко мне совершенно обычным. Никого постороннего, кто угрожать мне бы мог, тут не было.

Для верности я еще разок просканировала жилье свое на предмет присутствия посторонних. Никого. Только я и кот.

Я покосилась на чердак, там тихо было... Да и где видано, что бы коты целовали мужскими губами?

А ведь глаза-то своим свечением невозможно как похожи!

И тут два варианта. Либо мой мозг так устал, что все намешал воедино и слишком натуральным сном мне подбросил. Либо котик этот... вовсе не котик.

Глава 5

Первым делом, едва поднялась и умылась, я все же решила на чердак наведаться.

– Киса-киса-киса, – позвала, осторожно крышку открывая.

В ответ тишина только. Я снова поисковик закинула, тогда только пушистого и обнаружила. Спал он, свернувшись меховой шапкой, среди каких-то подушек. На мое приближение и ухом не повел.

Притворяется?

Я на него поглядела внимательно, пытаюсь что необычное выискать, но кроме как размера слишком крупного, ничегошеньки в глаза не бросалось. Ну да может это порода такая...

– Ладушки... – я ладони перед собой свела, – облик истинный прими, предо мной себя яви!

Прошептала, как на духу, пальцы меж собой скрестила, да энергии капнула.

По шерсти котячьей пробежались искорки магического напряжения и...

Кот недовольно уставился на меня.

– Ой, простите! Потревожила ваше котовское величество! – презрения в этом взоре хватало с лихвой.

И оборотнем котик не был. Что тогда?

Глаза-то ведь... глаза те самые! Ежели только не с вертикальным зрачком представить, а с самым обычным, человеческим!

Но тут этот звереныш подобрался, я уж подумала, что задумал чего! Ан-нет!

Он начал вылизывать свое черное пузо!

Языком своим шершавым лизь-лизь! Ну какой, скажите мне, оборотень, обладающий человеческим разумом, вылизываться станет? А нализавшись, эта черная морда еще и шерстью давиться стала.

– Тьфу на тебя! – фыркнула я, скривившись.

Нет, точно приснилось! В новом месте, в окружении болот с нечистью, какая только блажь в голову не влезет!

Махнув рукой, я вернулась на первый этаж. Позавтракала, избу сызнава чистящим заклятием обвела, чтоб уж до конца все убрать. А после принялась вещи из сумки вытаскивать. Надобно с уютом и комфортом расположиться.

Так до обеда и провозилась. Да еще и не все вытащила. Все же артефакт пространственный – вещь невероятно полезная!

А вот к вечеру уже, обвешавшись защитными амулетами, да заговоров ото всякой погани на себя наложив, полезла снова в ступу.

Пора было с местными знакомиться.

Лучи закатные уже по горизонту ласкались. Лесок из зеленого багряным делался. Лягушачий хор стройными руладами заливался, а комары им в унисон гудели. Благо, я маслами специальными за ушами капнула, не ползут кровососы.

Избушку я облетела по кругу, но пока ничего не придумала, как ее в прежнее состояние воротить. Подумалось только, что надо на всякий случай лесенку какую приделать. А то мало ли без ступы останусь? Но это после, а пока...

Вылетев на середину водной глади, достала из поясного кармашка бутылек.

Капнула две капельки девственной крови, от которых по воде круги пошли, да дымка розоватая.

Сама чуть выше поднялась.

И минутки не прошло, как гладь водная забурлила, а после, словно на троне водяном сидя, предстал предо мной сам болотный княжич.

Статный весь из себя, волосы зеленой тины озерной блистают, кожа с голубым отливом, а в глазах черных подозрительность с интересом.

– А я уж думал, не позовешь, Смотрительница, – протянул он насмешливым густым баритоном.

А я про себя отметила, что неплохо ему было бы чем-то телеса свои все же прикрывать. Чай молодых ведьмочек в академии не учат на торсы мужские глаза не таращить. Первая практика сейчас тому и случилась.

– Что ж не позову? – тем не менее в тон ему ответила. – Вот позвала, чуть устроилась. Да и спасибо бы сказал за подношение. После встречи с водяницами, такой крови для тебя не пожалела.

Я бутылком потрясла.

– Что мне твои две капли, – усмехнулся хитро. – Коли захочу, у меня такой полно будет.

– Чай, давно не изгоняли тебя? – зашипела... Этот ведь из разумной нечисти, должен договор между людьми и их народом чтить. Чо это за слова такие? Угроза что ли?

– Сразу изгонять? – еще и рассмеялся, отчего черты его приятно исказились, еще мягче сделались. – Коли захочу, позову, так сами идут...

И смотрит на меня проникновенно этак. Ах вот в чем дело?

И в глазах этих почудилась мне сама пучина морская. Глубокая, притягательная, зовущая... я даже из ступы вперед свесилась.

– Иди, иди ко мне, ведьмочка, не обижу, – и мурлычет ведь, не хуже кота с моего чердака...

Я поближе подлетела к нему, уже каждую черточку лица его разглядеть могла. Красивый зараза, тут никак не поспоришь. И губы его, в улыбке сейчас искривленные, так и манят, обещающая сладость поцелуя.

Да только мне и ночного целовальщика хватило с лихвой. Я сюда не гормоны практиковать приехала, а магию и знания полученные за годы учебы.

Что этому хмырю болотному и показала тут же.

– Ты, касатик, сладко стелешь, – я уже совсем у его лица оказалась. Вот прямо чуть податься вперед и коснемся же. Ступа моя прямо почти горизонтально над водой расположилась. – Да только еще попробуешь на мне свое очарование использовать, засушу, как воблу.

Усмехнулся. Не обиделся. Хотя балансировала я на тоненькой грани.

– У меня хвоста нет, ведьмочка, – а сам-то еще ближе ко мне, что я уж дыхание его на себе чую. Но тут коли слабину дашь, вовек потом не отделаешься. Потому заставила себя на месте оставаться, древко метлы только сжала покрепче.

Княжич-то еще пуще ворожить принялся. По телу жаром прошлось, что аж волосы на затылке приподнялись. Истомой, сладостью и обещанием блаженства охватило.

Не надолго, правда. Доли секунд всего, пока защитка сработала. Но и того хватило, чтоб запомнить. Впрочем, удержалась.

– Думаешь, не найду, за что подвесить? – съязвила ему.

Он бровь-то выгнул, а после назад откинулся и рассмеялся.

– Языкастая какая, – сообщил, наконец, свои выводы. – Нет, с тобой скучно не будет.

Легкомысленность у него в голосе, а по глазам так и не скажешь. Там глубина тягучая, как трясина в болоте. Не знаешь, где там дно сыщется. Чую, не один десяток лет этим болотом владеет, несмотря на то, что выглядит молодо. И не только им, а всеми окрестными водоемами. Княжичей-то болотных, их не так много. И мне повезло поселиться на одном из озер, где такой обитал.

И жук этот хитер, как сама бездна, что под ногами зыбью прячется.

Я степенно отлетела чуть подальше, чтобы уж точно не вцепился ненароком.

– А скука, знай, к тем липнет, кто сам себя развлечь не способен, – сообщила ему с легкой надменностью. Тут лицо держать надобно. Ведьма я, в конце-то концов?

Он хмыкнул, следя за каждым моим движением.

– Вы посмотрите, – а сам ногу на ногу закинул, взглядом меня обхаживает. Но уже не слащавым, а скорее оценивающим. Впечатлился, видать, что на уловку его не купилась. – Деловая какая. Прибыла в наши владения, шороху учинила. Водяницам моим шишек понаставила...

Я вот тут едва не поперхнулась. Я им понаставила?

– Коли бы сожрать не пытались, то и не понаставила бы, – плечами пожала.

И только тут заметила, что позади трона пучинного одна из засранок этих глазами хлопает. Жалуетса, значит.

– Так ты ведь не представилась, без даров пришла, – усмехнулся княжич. А патлатая эта еще и к трону поближе, да давай шептать ему чего. Княжич на это кивал с видом серьезным, а я лишь глаза щурила. – Деловая наша прибывшая... В болота с пустыми руками не идут и не зовут без надобности, коли живыми остаться желают, – подытожил, изумрудным взглядом прожигая меня до самых пяток.

Зашевелилась под сердцем старая тревога. Ну чего уж, не каждый день ведьмы с болотной нечистью разговоры ведут. Тем более с такой сильной. Я-то понимаю прекрасно, что коли он захочет мне зла причинить, то уж сумеет, ничего я ему не противопоставляю. Куда мне, ведьмочке, против древнего могучего существа?

– Не с пустыми, – ответила, доставая из кармана да на ладони зажигая маленькое светило, некогда подаренное мне матерью. Таких огоньков в наше время не сыщешь. Он и под водой горит. Редкая диковинка. Вот и сгодилась. – Изволь принять подарок, княжич.

Он брови вскинул, оценивает. Подарок простой, а на болоте всякая мелочь может вес золота стоить.

С щепетильностью, свойственной всем древним духам, он потянулся ко мне и осторожно коснулся светильника. Свет его нечистивых не жег, что тоже редкостью было. Огня-то болотные жители боялись. А тут...

Улыбнулся он, огонек пальцами с моей ладони подцепляя. Понравилось, значит.

– Занятно, – медленно протянул, а сам на меня поглядывает. – Принимаю твой дар, Смотрительница. Чего в ответ желаешь?

И вот тут час икс буквально. Главное правильно все сделать.

Метелочку в правой руке сжала, левую в ступу опустила как бы между прочим. А сама пальцы особым образом сжала.

– Имя свое назови.

Болотник скривился. Вид его стал чуть суровее, игры закончились. Скулы четче очертились, да и вовсе черты стали куда острее.

– Ишь, что удумала! – болотница за его троном зашипела и воду мырнула.

– Удумала! – а сама силу коплю в руке спрятанной. Коли сейчас артачиться станет, ничего хорошего не жди...

Сидит, смотрит на меня, глазами своими едва ли не линчует, благо в ступе по больше части от него я скрыта. А то прямо неприятно. Глаза-то черные, без зрачков. А гладь воды зеленоватой в них отражаясь еще жутче делает.

Все-то знают, что в имени – Сила. И на правах Смотрителя могу я имена требовать. Тут вопрос лишь в том, захочет он подчиниться пришедшей ведьмочке. Или... нет?

Молчал княжич долго. Так, что даже лягушачий хор на болоте подутых. Видать квакши и те прислушивались к нашему разговору.

Я и сама притихла. Только сила пальцы обвивала. Напряжение капельками пота вон уже под шиворотом вдоль спины катится.

С полминуты он разглядывал меня, играясь с моим подарочком. Потом все-таки лукаво усмехнулся. Широко клыками блеснул, что теперь вместо напряжения, боязливые мурашки по спине моей помчались.

– Требовательная, значит... – заворковал он лениво, колдовским ветром смахнув с плеча прядь тины. – Имя получить тебе хочется? Знаешь ли, в здешних краях не всякому гостю имя свое выкладывают. А уж ведьме – так тем более.

Я упрямо склонила голову, слабину давать нельзя. Права свои, как Смотрителя, я знала. Вот с самого начала и надобно их соблюдения требовать.

– Я ведь не просто имя хочу, княжич, – головой мотнула. – А знак силы твоей и договоренности нашей. Миром начнем наше общение, и дальше все ладно будет. Я ведь не с пустыми руками явилась, все как следует. Так и ты... не уходи от ответа.

Хотелось сказать “не выделяйся”, но я себя сдержала. Нарываться пока не стоит. Я уже язык свой, враг мой, дораспускала, что теперь тут время коротаю.

Он меня взглядом обвел всю... Ну, вернее ту часть, что из ступы виднелась.

– Не уходить от ответа, говоришь? – губы его в улыбке так и были растянуты. Только глаза-то вовсе не улыбались. Азарт там горел и голод нечеловеческий. За ядом этой красоты настоящее чудовище жило. Уж я-то помнила по учебникам, что нечистые, даже самые умные-разумные, человечинкой при случае не побрезгуют. – Ну что ж... На всю округу, само собой, не назовусь. Придется к тебе ко мне поближе. Не боишься ведь?

А сам уже рукой своей над водой водит – из глубины явился на поверхность огромный лист кувшинки. Такой, пожалуй, и меня саму удержит. И от воды отделит. Уж при этом существе распрекрасном, в оную лучше вовсе не ступать. Сразу в его власти окажусь.

И сам он об этом знал. И что я знаю – догадался. Иначе бы вот такое выдумывать не стал.

Конечно, не хотелось мне из ступы туда вылезать. Но то, как смотрел на меня княжич, ясно давало понять, коли на лист не ступлю – не видать мне имени.

А ежели ступлю, видать ли собственной жизни?

– Не боюсь, – процедила все же. Подлетела ближе, опустилась. Может и так ему нормально будет?

– Ты из деревяшки-то своей наружу покажись? – усмехается, смотрит на меня с озорством во взоре. Ждет, что спасую.

Я наружу все ж полезла. На крайний случай метелочка у меня имеется, если что, на ней улечу. Хоть и неудобная, а всяк лучше, чем ничего.

Сам он тоже с трона поднялся, потоки водные его к самому листу поднесли. Шагнул на него, отчего зелень мягко прогнулась, но под воду не ушла, конечно.

Хотел мне руку подать, но я уже ловко выскочила.

– Вот теперь годится, – приблизился ко мне неспешно, поступью мягкой. Кругом обошел.

– У нас здесь смотрины не затевались, – напомнила я, чуя взгляд его на себе.

– Твоя правда, – вздохнул еще, словно разочарованно. – Пусть будет имя.

И голос его в этот миг, не хриплый и не гулкий, ветром тяжелым прокатился по водной глади, по корням, по мху и кочкам. Темное, вязкое опустилось на болото. Не туман, не морось, а энергия имени нечистого существа, магией одаренного с лихвой.

Круги по воде в такт моим поджилкам подрагивали...

А он за спиной моей остановился, склонился к плечу, чтобы лицо его аккуратно рядом с моим ухом оказалось.

– Слушай, ведьма, – пальцы холодные волос моих коснулись и отодвинули за спину. Чтобы, видать, слышала его лучше. Да от того лишь дыхание горячее мою кожу обожгло. – Имя мое... Тишалай. Княжич всех окружающих болот, рек и озер. Владыка Подводного Царства и тех, кто рядом с ними обитает. Не злоупотребляй и не зови попусту.

Он замер, да я и сама затаилась. Сила его имени в груди тяжестью оседала. Не так-то это просто, такое в себя вобрать и устаканить.

– Теперь... ты, – шепчет у самого уха, а мне дурнее становится с каждым мигом. Лист, на котором стоим, вдруг показался каким-то мягким и зыбким. И словно бы силы из меня тянуть принялся.

– Мы... так... не уговаривались, – цежу через силу. Слова и те с трудом даются.

Ворожит. Опять ведь ворожит, паскуда. И лист этот – одно наваждение. В воде стоим! Я уже чую, как простые мягкие туфли промокли насквозь, а лодыжки уже водными потоками оборачивает.

– Может и не уговаривались, – снова меня касается, пальцев кончиками по шее скользит. И шепчет ласково, точно ядом сладчайшим подчуёт. – Да только мне так теперь хочется.

– Договор нарушишь? Я... Смотритель.

– Да где же? – усмехается, и я тут же чувствую, как ниже он к моей шее склоняется. Холодные волосы его, чуть влажные, скользят по изгибу шеи, а сам он запах мой вдыхает.

– Отпусти.

– А разве держит тебя кто?

– Тишелей, приказываю... – начала было говорить, но тут же его ладонь мне рот зажала. А сама я оказалась аккурат к груди его прижата спиной.

– Ты, ведьмочка, наглей, да не слишком, – развернул меня к себе. В глаза мне омутами своими уставился. – Красивая, пахнешь вкусно, забавная... Но коли зарываться начнешь...

И в улыбке снова губы растянул, что клыки его острые показали.

Намеки я понимала отлично.

Силой сейчас по нему шарахнуть? Или метлой? Но тогда точно никакому миру не бывать.

Ну и разве выбор это? Без выбора...

Глава 6

Пальцы зацепенели, не сложишь ни в одну конструкцию. Энергии-то накопила с лихвой, а толку с того – чуть. Держал Тишалей крепко, пусть и не руками, но магией своей.

– Так что же? – мурчит, лыбится. А мне тошно. Губы его вот-вот моих коснуться, как близко уже ко мне склонился. Но если от человеческих теплом обычно веет, то от него холодом несло. Опасным таким, неприятненьким.

Вот попала ведьма! Полезла к самому княжичу болотному в лапищи! Теперь ежели имя ему назову свое, точно жди беды!

Отданное добровольно, имя дает власть. Захочет – заманит в болото с самого берега. Или еще какое паскудство делать заставит.

Потому и держала губы сомкнутыми плотно. Хотя силу из меня тянуло знатно. Ноги уже заledenели, в животе подсасывало почти болезненно. А в голове мысли носятся – что делать то?! Тут никакие параграфы из учебника не помогут. Даже на подкорках вырубленные! Не пишут о таком в книгах! Там ясно сказано – не попадайся! А что делать, ежели попала, не учитывается.

Я все пыталась пальцами шевельнуть, чтобы хоть сырой силой кинуться. Мне бы всего секундочку выкрасть, чтобы его внимание отвлечь и чары хоть на миг сбросить.

Помощь вдруг пришла, откуда не ждали. С берега послышался грозный такой вой, шипение, скрежет. Я глаза-то скосить умудрилась, а там кот вдоль берега носится, урчит, спину гнет.

Тишалей с меня на него взгляд перевел. Кот остановился и сделал ну совсем что-то странное! Лапу свою прокусил и в воду кровью брызнул.

Болотник еще шире разулыбался, совсем уже не человечески. Рот его показался в этот миг просто огромным, да еще и полным зубов нечеловеческих, треугольных, как у рыбины какой хищной.

В тот же миг спало оцепенение.

Я метелочку под себя и верхом на ней в воздух взмыла. Деревяшка пребольно впилась, я аж разлеглась во весь рост вдоль нее, ногами барахтая промокшими. Да быстренько в ступу юркнула.

– Интересные ты знакомства водишь, ведьмочка, – болотник, кажется, ничуть не удивился, что я улизнула. Ленивый взгляд на меня поворотил только и фыркнул. Снова на трон свой уселся. – Ладно уж, так и быть. Оставляй свое имя при себе... На этот раз.

И ручкой так царственно на меня махнул.

Спорить с ним или предъявлять чего за такое вот обращение смысла не было. Сама виновата, что купилась на его уговоры и из ступы вылезла. Еще спасибо стоит сказать, что отпустил. Потому кивнула, принимая его поблажку.

– Что, и даже обиду не выскажешь?

– Какую такую обиду? – я подбородок вздернула. Он усмехнулся снова.

– Молодец, ведьмочка. А теперь, коли быть нам соседями и не врагами, помоги мне с делом одним. – Ногу на ногу закинул, развалился уже совсем расслабленно. А я приготовилась слушать. Знала с самого начала, что наверняка не одну проверку мне устроит. Прежде чем в этих местах меня как Смотрителя примут и слушать станут, мне придется еще силу свою доказать.

Первую-то проверку я с треском провалила... Если бы не котик...

Сама опять покосилась в сторону берега. Но лохматого уже и след простыл. Надо с ним будет все же разобраться. Кровь обычного кота болотника бы не привлекла. А тут... тут что-то больше было. И, похоже, обещание какое-то.

– Ты слушать-то станешь или в своих мыслях потерялась?

– Слушаю, княжич, вещай.

– Спасибо за дозволение, – язвительно. – В наших местах, на Остром омуте, зазнались одни работнички. Бобры хатку возвели, да невпопад. А под хаткой той оказалось у кикимориц гнездо-улей. Ссора теперь у меня в болотах – кикиморы лютуют, бобры тоже, в воде бузы больше, чем от трех новых ведьм сразу. И баламутят все вдоль берега. Ил уже весь подняли, что в воде дышать нечем.

И смотрит на меня... С ленцой, и с насмешкою.

– Так ты думаешь, я с бобрами разберусь лучше княжьего слова? – я брови свела к переносице. В душе уже тоскливо екнуло. Простой задачи княжич дать не мог никак. Ломай теперь голову, в чем подвох. – Заставил бы их хатку перенести в другое место.

Он на этот раз рассмеялся в голос.

– Думаешь, легко с этими хвостатыми? – губы в усмешке, а во взгляде хитроватый интерес. – Я им уже и тростник гнилой на хатку сыпал, и за хвосты тягал, даже течение переменил, чтобы подныривать им до входа неудобно было. Все ни почем. Народ крепкий, упрямый. Слово княжича для них, что комариный писк. А верховного князя по такому пустяку звать мне не к лицу.

За хвосты тягал? Что-то странное.... Почему магией их не выгнал с того места? Что-то у меня уже чуйка недовольно чешется. Явно что-то не то с теми бобрами, раз княжич их урезонить не может.

– Ладно, будь по твоему, решу вопрос.

А что еще мне остается?

– Как сделаешь, тогда снова и зови. Представлю тебя своим подданным.

Я зубами чуть не скрипнула. Хитрый какой... А пока, стало быть, Смотрительницей меня не признают и крутись как хочешь?

А ведь у меня неделя всего, чтобы на новом месте обустроиться и ректору письмо отправить с подтверждением о вступлении в должность. А я еще не то что среди нечисти не утвердилась, но и со старостой местной деревни даже не познакомилась.

Да уж. Попадалово.

Кивнула ему снова, да метелкой махнула, разговор этот заканчивая. Княжич и сам под водой скрылся.

А я в дом отправилась. Нужно на всякий случай снадобьями и артефактами запастись. И тогда уж с этими грызунами плоскохвостыми идти разбираться.

Долетела до дома и причалила ступу к крылечку.

Кот уже дожидался, умывался лапкой деловито. И как только он сюда забраться сумел? Будто и не носился недавно по берегу, как угорелый, и кровью своей в воду не брызгал. Чуж болотного княжича в нем так отвлекло, что тот даже чары с меня сбросил?

Присела рядом. На этот раз пушистый от меня убежать не подумал. Еще и голову подставила, чтобы я его почесала за ухом.

– Спасибо тебе, котик. Выручил меня. Без тебя бы точно имя свое выболтала этому хитрецу.

Кот мурчать перестал, на меня посмотрел внимательно. В желтых глазах что-то такое мелькнуло... Почти человечесь. Я даже вздрогнула слегка. Но он отвернулся и снова за умывание принялся.

– Сильно поранился-то? – так и не видно было, что там с лапкой его делается. – Не больно?

Лапу мне под нос сунул. Царапинки-то уже и не видать, затянулась. Покачала головой. Станный ты, котик. Очень странный.

Поднялась, в избу зашла. А кот за мной увязался, хвостом помахивает.

Села за стол, достала записную книжечку. Надо план составить. С бобрами вопрос не простой, это уж точно. Раз сам княжич с ними справиться не может, значит, дело тут нечистое.

Взяла перо, обмакнула в чернильницу. Когда на бумаге расписываешь все поэтапно, оно и думается легче.

"Разведать обстановку", – вывела первым пунктом.

"Выяснить, что за бобры". Пункт второй.

"Придумать, как их выселить, никого не покалечив". Третий пункт.

Кот на стол запрыгнул, уселся прямо на тетрадку. Лапой по записям царапнул.

– Ты чего? Не мешай, дело делаю!

А он как зашипит! Лапой тычет в третий пункт, мордочку недовольно морщит.

– Что, считаешь, калечить надо? – усмехнулась. А про себя еще и отметила, что значит читать котик умеет. Еще одна зарубка в странностях. – Жестокий ты, котофеич.

Соскочил со стола, к двери подошел. Обернулся, мяукнул требовательно. Мол, пошли уже, чего тянешь?

Я на это глядя малость подивилась. Кто ж он такой вообще? Не оборотень, не демон никакой... По крайней мере поисковичок мой на него не сработал. Ладно уж, будем надеяться, что ничего дурного этот зверь в себе не несет. Да и вообще вон, помогает.

– погоди ты! Сначала экипировкой заняться надо.

Пошла к сундуку, где всякие нужности хранились. Достала флакончики с отварами целебными, пару амулетов защитных. Веревку заговоренную взяла – авось пригодится. И еще... А, вот! Зеркальце карманное. В нем отражения всякой нечисти видать можно, даже если она под видом обычных зверушек прячется.

Кот все это время у двери крутился, нетерпеливо мяукал. Торопил меня.

– Иду, иду уже! Нервный какой...

Вышли на крыльцо. Ступу к перилам подтянула, села в нее. Кот прыгнул следом, на бортик устроился. Потом вдруг лапой указал направление. На северо-восток, где между кочками синела полоска воды пошире.

– Ты что, и дорогу знаешь?

Мяукнул утвердительно. Вот чудеса... Может он ученый?

Ладно, доверилась пушистому проводнику. Полетели в указанном направлении. Я управляю, он лапой правит – то влево покажет, то вправо. Летим низенько, чуть над водой. Болото вокруг дикое, нехоженое. Кочки мхом поросшие, между ними чернота водяная зеркалом отсвечивает. Кое-где цапли на одной ноге стоят, как изваяния. А вдали туман клубится – там, поди, и есть тот самый Острый омут.

Кот лапой махнул – мол, садись здесь. Опустила ступу на кочку большую, поросшую березками молодыми. Отсюда хорошо видать: метрах в ста от нас на крепком островке хатка бобровая высится. Сложена добротнo, из толстых веток и камней. А рядом с ней...

Достала зеркальце, в него посмотрела. Так и есть! Вокруг хатки копошится штук пять существ, только это не бобры вовсе. В отражении вижу – человечки маленькие, мохнатые, с большими зубами и хвостами плоскими. Но хвосты-то не бобровые, а рыбы! И плавают они не как бобры, а змейкой извиваются.

– Чертята! – ахнула. – Вот оно что! Не бобры это, а чертята под бобров прикинулись!

Кот довольно мурчанул. Мол, наконец-то дошло. Я на него фыркнула, потянулась снова погладить, а он еще и спину выгнул, подставляясь. Чтоб до самого хвоста ладонью прошлась.

Приручился что ли?

Я головой покачала... Ладно, как вернусь, следующим пунктом в тетрадку и запишу – "разобраться с котиком".

Сейчас же снова хатку разглядывать принялась.

Понятно стало, почему княжич с ними справиться не мог. Чертята народец хитрый, упрямый. И магия на них плохо действует – защита у них природная имеется. А главное, выгонять их нельзя просто так. Силой попробуешь, так они родню свою позовут, еще хуже потом беду устроят. Эти засранцы маленькие хуже тараканов...

А кикиморы-то где? Зеркальце ниже опустила, стала воду разглядывать. Среди ила поднятого и сора всяческого, омут совсем мутный стал. Но зеркальце волшебное, все ж существ разных и не через такие преграды увидеть может.

Ага! Вон же, под хаткой, в глубине, что-то шевелится зеленое. Точно! Кикиморки там действительно живут, и не одна, а целая семейка. Мамаша большая, лохматая, и три дочки поменьше.

И все они сейчас в воде крутятся, руками размахивают, явно ругаются на чем свет стоит. Понятное дело – чертята им над головой дом построили, сору всякого сыплют, шумят. Кому такое понравится?

Зеркальце спрятала, задумалась. Вопрос теперь не в том, как бобров прогнать, а в том, как двух сторон примирить. Чтобы жить рядом могли, не грызясь. Ну, или как вариант, все ж найти управу на этих чертенят...

– Место они выбрали уже занятое, значит, неправомерно. Но просто выгнать их нельзя... обидятся, начнут мстить. А мстительные они знатно... – Почесала затылок. – Надо их перехитрить как-то.

Сижу в ступе, думаю. Чертята народец хитрый и корыстный. Что же они любят больше всего?

Вспомнила учебник по демонологии младших курсов. Там было... А! Клюква медовая! Та, что на старых кочках растет, где души утопленников покоятся. Считается, что ягоды эти силу особую имеют и сладкие до невозможности. А еще магию в себе несут особую, от которой нечистики всякие просто млеют.

Махнула я метелкой и направилась прямо к этим горе-строителям. Нет, ну в самом деле, неужели на болотах больше нигде места не сыскать было?

– Темной ночи, ребятушки, – склоняясь из ступы, крикнула я им.

Чертенята и так уж издаലെка на меня поглядывали, а тут все в кучку собрались, самого рослого вперед выставили.

– Чего тебе, ведьма? – вот так, без приветствий и пиететов.

– Я вам не просто ведьма, а теперича Смотрительница. Конклавом назначена...

– Ничего про то мы не слыхивали. Что нам твой конклав? – фыркает еще! – Пока княжич распоряжения не даст, хоть бы кем ты себя называй.

Остальные одобрительно зашептали. Ну, чего и следовало ожидать.

– Скажет еще, не сомневайтесь. Он меня к вам и прислал, – я все ж решила попытаться простым путем пойти. – Ругается, что вы кикиморам жизни не даете. Прямо на головах у них поселились.

– Ежели ругается, чего сам не явился?

Я зубами скрежетнула. У меня, конечно, тот же вопрос напрашивался, но им, само собой, мысль эту я озвучивать не стала. Чуть ниже к земле опустилась.

– Это вы у него сами спросите, коли надобно. Но хатку вам перенести придется.

– Вот еще! – из-за плеча главного выглянул чертенок поменьше. Лысенький, уши лопухие торчат...

Вообще ростом все они были мне по пояс. Вместо ног человеческих – козы, а пониже спины хвосты рыбы, видать, метаморфозы какие-то над собой провели, чтобы в среде адаптироваться. Это чертенята умели.

Старший на младшего шикнул через плечо. На меня уставился озлобленно.

– С чего это нам какую-то ведьму пришлую слушаться? Али не знаешь порядков? Попробуй только погнать...

Я на него руками замахала. Знала я все, и про родню их, что мне потом точно житья не даст, тоже.

– Что ж вы сразу артачиться? Я ведь не за просто так навстречу пойти прошу, – простым путем не вышло... а жаль. Ну что же, придется козырять. – А за судочек медвяной клюквы.

Тут же оживились, зашушукались.

– Целый судочек!

– Обманет ведь! Она ж ведьма!

– Как охота ее, а?

Я ждала терпеливо, пока они меж собой к единому разумению придут.

Снова старшего вперед выпихали. Тот с видом важным меня оглядел, руки на груди скрестил.

– Вот как принесешь, так и станем дальше разговор вести.

– Э, нет. Так дело не пойдет. Обещайте, что коли принесу – хатку переместите. Да так, чтоб не мешать никому больше.

Вздыхнул нечистик недовольно, скривился.

– Ладно, будь по твоему, – и кончиком когтя рядом с ключицей крестик чирикнул у себя. Тот алым полыхнул и пропал. То был жест самого верного слова. Такое обещание нечисть не нарушит, коли дает. Я кивнула, принимая.

– Скоро вернусь, можете начинать разбираться.

Ну что ж... С этим вопрос решили.

Только, конечно, был здесь нюансик... Ведь растет такая клюква в самых гиблых местах болота. И охраняют ее всякие мерзости топкие. А с моей-то везучестью...

– Ну что, котик, – обернулась к пушистому. – Знаешь, где тут медовая клюква растет?

Кот задумчиво посмотрел на меня, потом поднял лапу и указал куда-то в сторону самой гущи болота, где туман особенно плотный стелился.

– Конечно, – вздохнула горестно. – Где же еще.

Полетели в указанном направлении. Чем дальше углублялись в болото, тем гуще становился туман, тем зловоннее воздух. И холоднее. Ступа подо мной вздрагивала – чуяла нечисть поблизости.

Кот вдруг зашипел, спину выгнул. Видать, близко уже.

И точно – впереди показалась кочка большая, вся красными огоньками усеянная. То клюква медовая светилась в тумане, словно звездочки упавшие. Красота необыкновенная! Только вот вокруг кочки в воде что-то темное ворочалось, круги расходились зловещие.

Опустила ступу осторожно. Ее уже и так то и дело потряхивало. В этих местах магии потоки вихрились нестабильно. Едва не рухнули. Дальше – ногами, а то и вплавь придется, впереди-то озерцо разлилось.

Достала зеркальце, глянула, и сердце в пятки ушло.

– Трясунец, – прошептала. Лицо помимо воли скривилось. – Вот гадость...

В отражении – существо огромное, склизкое, с длинными руками-щупальцами, что под водой извивались, как змеи голодные. Стережет клюкву, никого близко не подпускает. Не только чертенята ее любили... А уж если кто попытается ягоды сорвать, то затащит трясунец на дно и там утопит, косточки обглодает.

Но выбора не было. Чертята без этих ягод меня и слушать не станут.

Приготовила заклинание боевое, пальцы в нужную форму сложила. Веревку заговоренную размотала, на запястье накрутила. Глубоко вздохнула, водицу оглядела... Ай, ладно, делать нечего.

Юбку только стащила, чтобы не мешалась, осталась кафтанчике тонком, да в исподнем. В воду ступила... холодная, что хныкать хочется. И темная ведь. Особенно когда на болоте самом уже густые сумерки.

Но зубы стиснула, заклинания в памяти пересказала и вперед... Водица меня обступила, тепло вытягивая. Тут бы заклятием укутаться, но лучше пока трясунца не привлекать, поближе подобраться.

Котик только вдоль кромки водной забегал. Волнуется, похоже.

– Сиди там! – шикнула на него. Не хватало еще, чтоб на него отвлекаться пришлось.

Глава 7

И чем дальше от бережка, тем глубже становилось. Почти по пояс уже в воде стояла. Не успела и половины пути преодолеть, как вода вокруг забурлила. Трясунец меня учуял! Из глубины поднялся дядька здоровенный, ростом чуть не с избу мою, весь в тине черной и водорослях скользких. Глаза красные, как раскаленные угли, светятся в тумане. Пасть кривая, полная зубов острых по обыкновению для нечисти треугольных!

– Кто-о-о сме-е-ет?! – заревел он так, что эхо по всему болоту прокатилось. Цапли с кочек взлетели, перепугавшись. – Кто ягоды мои тро-о-огать дерзает?!

Щупальце толстое, как бревно, прямо ко мне метнулось, воду рассекая.

– Да никто их не трогает! – заорала я, в сторону отшатываясь. – Всего горсточку нужно! Поделись!

– Мое! – И сразу тремя щупальцами на меня напал, как спрут морской.

Заклинание огненное из рук выбросила. Струя пламени синего одно щупальце опалила. Трясунец взвыл, но не отступил, еще яростнее стал. Веревкой заговоренной второе щупальце перехватила, петель затянула. То и обвисло плетью безвольной, заговор хорошо отработал, связывая конечность и обездвиживая. Но третье меня все-таки зацепило за талию. Присоски противные к платью присосались, сжал, что больно до слез!

Да как тряхнул меня, как куклу тряпичную! Я прямо в воду целиком и бултыхнулась! А та – ледяная, тина липкая. Студеность сразу до костей пробрала.

Я быстренько новую позицию из пальцев скрутила, да как резану эту слизюку проклятую! Отпустил мигом, завыл! А мне вместе с водой этой тухлой в нос еще и кровь его гнилая хлынула.

Мерзопакость неслыханная!

– Гад болотный! – Вынырнула, тину с лица стирая, отплевалась.

Ну все, раз говорить он не желает, а вот так на меня... Я уже всю силу своего внутреннего источника призвала. Пусть знают, кто здесь ведьма-Смотрительница!

Заклинание ледяное пустила – щупальце намертво заморозила. Трясунец взревел, попытался меня в глубину затащить, но я огненный шар в морду ему запустила.

Упал гад, назад завалился. Я еще одним шаром, что вода вокруг него вскипела, даже до меня дошла теплая. Силы не пожалела!

Жалости никакой при том я не испытывала. Трясунец – низшая нечисть. Тело его собрано из останков утонувшего люда, который он потом еще больше в болото и затягивает. Поглощает, а кости в себя вбирает, разрастаясь. И коли этот такой громадный, страшно мне и подумать, сколько невинных здесь сгинуло.

Тут не только в клюкве уже дело случилось, но и в том, чтобы народ защитить.

Заклинание молниевое собрала, но тут он всеми щупальцами разом замолотил. Я увертываться стала, как змея, то нырок, то в сторону. Вода вокруг бурлит, пена грязная столбом встает, брызги во все стороны летят.

Веревкой его опутать пытаюсь, а он ее рвет силой нечистой. Щупальцем за ногу схватил, тащит вниз. Огненным кнутом по морде его хлестнула – отпустил, завопил.

– Да изыди ж ты! – заклинание усыпляющее почти из последних сил собрала, прорву магии в него вложила.

Трясунец еще раз попытался меня схватить, но колдовство мое сработало. И что только раньше не додумалась?! Глаза его закатились, захрапел он громко, как медведь в берлоге, и на дно пошел, пузыри пуская.

Я еле-еле на кочку выкарабкалась, вся трясусь – то ли от холода, то ли от злости. Руки дрожат, ноги ватные. Но дело надо заканчивать!

Перелезла на ту кочку, что рядом с тем местом была, где он под воду ушел. Сколько моего усыпляющего заклятия хватит, тут еще не знамо.

Вспомнила слова древние... Много мы всего учили, и теперь-то я во всей красе понимала, почему учителя заставляли нас зубрить так, что даже ночью разбуди – расскажу без запинки.

Руку в воду опустила и зашептала:

– Тьму водой унеси, зло болотное забери,

Пусть гнилое здесь уймется,

Пусть безвременье сойдется.

Корни мертвые, прервитесь,

Души чистые, проститесь,

К свету вольному взлетайте,

Зло былое отпускайте!

Слова зазвенели набатом, по воде побежали волны, серебром сияющие. Что-то вещее в них было. Вокруг трясунца затрепетала вода, закрутилась омутом, а сам он стал медленно оседать, растворяться на глазах. Болотная гниль распадалась, кости обнажая, а те, ею больше не сдерживаемые, уходили под воду, чтобы найти здесь вечный покой.

С ужасом и восторгом одновременно я почувствовала касание ледяного ветерка. И тут же стайка светлых огоньков вырвалась из темной пасти трясунца и закружилась над водой. Это были освободившиеся души – по одной, по две, они тревожно затрепетали в тумане, а потом потянулись к небу.

Тихо стало кругом, даже птички потревоженные нашим побоищем, и те в трепете при-молкли.

Котик рядом со мной уселся, на эту картину глядячи. Я его по голове погладила. От того и от сердца отлегло. Нравился он мне, спокойнее с ним рядом ощущалось.

– Ну вот, и себе достали, что надобно, и доброе дело сделали, – устало, но с улыбкой подытожила я.

Когда огоньки исчезли с концами, я тяжело поднялась... Ноги гудели. Лодыжку жгло. Достал-таки, зараза. В груди пустота поднывала – опять магии выплеснула с лишком.

Быстро нарвала листов лопуховых, в кулек их свернула, и туда уже клюквы медовой нарвала. Ягоды оказались теплые наощупь, светятся мягко, сладким духом веют, будто мед с пряностями. Не зря их так называют.

Глянула на себя в водную гладь и чуть не заплакала. Вся мокрая до нитки, грязная, как чертенок из пекла. Волосы тиной черной облеплены, сосульками висят. Юбка порвана в трех местах, один ботинок где-то на дне остался, а второй с ноги сваливается. Передник весь в дырах от присосок трясунца. В общем, красота неопишуемая!

Кот на меня посмотрел и жалобно мяукнул, голову набок склонил. Сочувствует, видать.

– Ничего, котик, – проворчала я, отжимая подол. – Живы-здоровы, и то хорошо. Зато дело сделано! Теперь к чертятам возвращаемся.

Долетели до их хатки. Они меня издалека заметили, в воде сбились в кучку, настороженно разглядывают. Я в ступе встала, чтобы сверху вниз на них смотреть, и голос поставила повелительный:

– Эй, вы там! Чертята! Вылезайте, выполнила я свою часть уговора.

Из воды показались хмурые моськи. Ничего, найдете себе другое место.

Я в ступе совсем низко к воде спустилась, кулек главному отдала, тогда уж мордашки их переменились. Засияли, довольные, словно настоящую амброзию им пожаловала.

– К утру чтобы тут ни одной щепки не осталось! – пригрозила я напоследок.

– Будет сделано, Смотрительница, – хором пропищали чертята и принялись за клюкву.

Полетела домой, вся дрожа от злости. Мало того, что княжич Тишалай меня испытаниями нагружает вместо того, чтобы сразу как Смотрительницу признать! Так еще и чертята эти выделялись! Могли бы просто съехать, да и дело с концом. А то заставили меня с трясунцем биться ради ягод!

Ректор между делом тоже вспомнился, чтоб ему икалось! Это он меня сюда отправил, в эту глушь болотную! Сидит сейчас себе в кабинете теплом, чаек попивает с печеньками, а меня заставил тут со всякой нечистью возиться!

Прилетела к избе, причалила ступу. Кот на меня жалостливо посмотрел и к двери побежал, как будто хотел поскорее в тепло попасть.

– Да уж, котик, – буркнула я, дверь затворяя. – Денек выдался знатный. Все против меня сговорились, что ли?

Я в избу-то зашла и тут же сразу принялась вещи мокрые скидывать, попутно воду в кадке за печкой кипятиться запустила специальными камушками.

Сейчас вся отмокну и отмоюсь, вот тогда красота будет.

– А ты не смотри, – шикнула на кота. Тот на столе устроился и как-то уж слишком внимательно наблюдал, как я вещи скидываю грязные. – Ты в том болоте не купался, и так чистый.

Разделась я до гола, все мокрое и грязное в кучу сбросила у печи. Кадка уже дымилась парком – камушки заговоренные свое дело сделали, вода согрелась как надо. Осторожно ногу опустила, потом вторую.

Ох, горячо! Но именно так и нужно было после ледяной болотной воды.

Забралась в кадку полностью, опустила по самые плечи, и сразу по всему телу разлилось тепло благодатное. Мышцы, что от битвы с трясунцем напрягшиеся, понемногу расслабляться стали. Даже царапины и ушибы перестали так сильно ныть. В тех камушках и наговоры специальные имелись. От такой водицы всяк легче становится.

– Ох, хорошо-то как! – вздохнула с облегчением.

Котик за мной проследовал, легко прыгнул на широкий край кадки и уселся, хвост аккуратно под себя подобрал. Сидит, на меня поглядывает янтарными глазищами, моргает редко. Странно это. Обычные коты в бани не лезут, воды боятся пуще огня. А этот как дома себя чувствует, будто... человек.

Взяла я мочалку лыковую, намылила мыльцем пахучим и принялась болотную тину с кожи оттирать. Вода быстро мутной стала. Котик все наблюдает, голову чуть набок склонил, будто размышляет о чем-то. И взгляд у него такой... знающий что ли. Внимательный шибко.

– Чего уставился-то? – проворчала я, выжимая мочалку. – Не видел, что ли, как люди моются? У меня языка такого нет, как у тебя, да и вылизываться, такое себе занятие.

Кот промолчал, естественно, только хвостом чуть шевельнул. Но в глазах его что-то мелькнуло. Озорное шибко. Не по-кошачьи это точно.

А может я себя и накручиваю.

Горячая вода мышцы расслабила, усталость понемногу отпускать стала. Как отмылась, камушки со дна подняла, друг о друга их постучала. Те мигнули от красного до синего, и вода кругом них очищаться стала. Как вся прозрачная сделалась, да подогрелась сызнова, так я и расслабилась.

Лежу, блаженствую, а сама потихоньку за котиком наблюдаю. Сидит он слишком прямо для обычного зверя. Как статуэточка. И смотрит не просто так, а с интересом настоящим. Мне прямо не по себе стало.

Я даже глаза вниз скосила... В комнате хоть и полумрак, а вода-то прозрачная. А я нагишом. Не постыдно ли?

Вспомнилось мне, как он дорогу в болото показывал – не как обычный кот, что просто куда-то побежал бы, а именно указывал, соображал. И чертят не боялся вовсе, хотя любая живность от нечисти в ужасе разбегается.

Тут взгляд мой на кучу грязной одежды упал, где рядом лежала моя походная сумочка кожаная. А в ней зеркальце то самое...

Как бы так незаметно на котика глянуть? Ладно бы заклятие в нем никакой нечисти или духа какого не показало, а мало ль он другой какой сущностью является? Мало ли таких в землях наших встречается? Про котов, правда, только ученых слышала. Но те разговаривать умели, да и кровь их так Тишалея не привлекла бы.

Плеснула я водой себе в лицо, смыла остатки мыла с волос. Вода в кадке уже снова остывать стала, пора вылезать. Встала, потянулась. Вот теперь совсем другое дело! Как заново родилась.

Поднялась из кадки, водичка с тела стекает ручейками. Котик взгляд не отводит. Смотрит, в упор глядит.

– Я тебе кошка что ли, чтобы ты меня так разглядывал, мохнатый? – я на него водой плеснула. Тот словно бы опомнился, фыркнул обиженно и на пол спрыгнул. – Вот и иди, нечего глазеть.

Не хватало, чтобы я еще кота застеснялась. А то ведь глазает так, что прикрыться и правда хочется.

Обтерлась, да за чистой одеждой пошла к сундуку что в углу стоял. Достала рубашку льняную, чистую юбку шерстяную, чулки вязаные. Одеваться стала, а самой уже в животе урчит – проголодалась за день-то изрядно. В болоте-то некогда было о еде думать, все с нечистью боролась. Думаю, сейчас чего-нибудь перехвачу, а потом уж и с котиком разбираться буду.

Волосы полотенцем промокнула, заплела в косу простую. Чулки натянула, ботинки домашние обула мягкие, войлочные.

Вот перекушу сейчас и возьмусь с мохнатым-таки разобраться.

Подхожу к кухонному столу, а там... Да что ж такое творится!?

Крышка ларя приоткрыта, внутри оберточная бумага от сосисок лежит. А сам негодник сидит на лавке рядом со столом, последнюю сосиску доедывает, облизывается довольный. Морда хитрющая лоснится, уши прижал – понимает, что попался на месте преступления.

– Ах ты, разбойник несусветный! – заорала я, хватаясь за метлу что у печи стояла. – Да как ты посмел! Где это видано, чтоб коты так бесстыдно хозяйничали!

При звуке моего голоса котяра мигом с лавки соскочил, сосиску в зубы покрепче схватил и драпать к двери. Лапы по полу зацокали, хвост трубой. А я за ним с метлой наперевес!

– Стой, беспардонник мохнатый! Ну погоди же! Вернись немедленно! Верни сосиску! Хоть последнюю отдай!

А он давай по избе носиться! То на полку заскочит, но на полати, поди догони! Юркий, зараза, а я и так уставшая. От досады аж всплакнуть захотелось.

Хорошо, только сосиски слопать успел, а остальное не тронул! И куда только влезло столько!

Залез он на самый верх стеллажа, фыркает на меня, словно смеется.

– Драть тебя мокрыми тряпками! – выругалась. – Я тебя не выгнала, дома у себя оставила, а ты!? Бесстыжий!

Плюнула, и сама уже к столу пошла, вещи по пути подхватив.

Вместе с зеркальцем.

И прежде чем усатый шельмец успел слинять, повернула зеркальце так, чтобы его в отражение поймать.

Да так чуть его и не выронила с удивления...

Глянула я в зеркальце заветное, да чуть его и не выронила от удивления! Вместо котика в отражении клубились черные дымы, густые, как предгрозовые тучи. И по размеру своему

эта мгла была куда больше кошачьего тела. Разливалась по всей верхней полке, по потолку стелилась, охватывала пространство от стены до стены.

Сердце у меня в пятки ушло, в груди похолодело. Неужто нечисть какая сильная ко мне в дом проникла? Может, демон темный или туманник болотный? А я-то, дуреха неразумная, его под крышей оставила, за ушком чесала! Самой от себя страшно стало – как же я, ведьма обученная, такую дрянь распознать не сумела?

С другой стороны... Не было ходу нечисти всяческой в дом смотрителя! И заклятием поисковым я его обследовала. Выходит, не нечисть? Иное что-то!

Глаза прищурила, в зеркальце всматриваясь. Чтож за создание такое? Дым чернящий, но не едкий, не злой. В нем витиеватые узоры проглядывают, будто руны древние или письма забытые. И чудится мне в этих клубках то морда звериная, то силуэт человеческий... Никогда о таком не слыхивала.

Хотела я уже защитное заклинание творить, палец указательный для начертания знака приподняла, да только вдруг котик – или кто он там был – глаза на меня поднял. И в зеркальце отразились два янтарных огня в клубках тумана. Яркие, пронзительные, как раскаленные угли.

И словно молнией меня прошило от макушки до пят! Эти глаза... знакомые до дрожи, до мурашек по коже. Те самые, что видела я во тьме ночной, когда меня целовали губы незнакомца! Не приснилось, видать!

Кровь в жилах застыла. Горло перехватило. А в голове мысли завертелись, как бешеные: значит, все это время рядом со мной был... он? Тот самый ночной гость? В кошачьем обличье скрывался? Это ж сколько времени он за мной наблюдал? И что за создание такое рядом со мной жило? И зачем?

Все странности сразу вспомнились: как котик мой дорогу в болото указывал, как от чар болотного княжича меня защитил своей кровью, как за трясунцем наблюдал спокойно, когда обычный зверь давно бы в ужасе сбежал...

– Что же ты... за существо такое? – только и успела прошептать, голос мой дрогнул предательски.

В тот же миг свечи в избе разом погасли, словно ветром их задуло. Темнота обступила, густая, непроглядная – хоть глаз выколи. Даже свет из окошка, от звезд и месяца идущий, словно отрезало. Только два янтарных огня горели во мраке, прикованы ко мне, не мигая, не отворачиваясь.

Страшно стало до одури. Холодок по спине пробежал, волосы на затылке дыбом встали. Сердце заколотилось так, что в ушах зашумело. Зеркальце выскользнуло из дрожащих пальцев, звякнуло о пол – не разбилось, слава богам, но и помочь уже ничем не могло.

А я-то, сколько силы в болоте потратила, с трясунцем биясь да чары раскидывая! Еще и не поела толком, сосиски-то мои кот-не-кот приговорил... Где уж там защищаться. Силы мои на исходе, руки слабые, голова тяжелая.

Янтарные глаза плавно двинулись вниз с полки, в темноте растворяясь и снова проявляясь – уже ближе. Не понять, идет ли ко мне кот, человек или что-то иное. Звук шагов не слышно, только тихий шелест, будто ветер листья осенние ворошит.

Вдруг воздух наполнился тихим напевом. Низкий, вибрирующий звук. Будто не голос вовсе, а ветер в печной трубе завывает... Но складывался он в мелодию, знакомую до боли, ту самую колыбельную, что я слышала той странной ночью. Сладко так, ласково, про сон-дрему да покой вечерний.

Спи, моя радость, усни, В доме погасли огни, Рыжие листья кружа, Ветер поет не спеша...

Старинная песня, еще бабушка мне ее певала. Откуда же он ее знает? И почему так сладко звучит, так заманчиво...

И стала на меня такая сонливость накатывать, будто не спала я неделю целую. Веки отяжелели, словно свинцом налились. Голову не держу уже, все плывет перед глазами. Мысли путаются, как нитки в корзине с пряжей.

Попыталась я встряхнуться, ущипнуть себя за руку. Знаю же, что это морок, наваждение колдовское! Но пальцы не слушаются, руки как чужие.

– Нет... – попыталась я сопротивляться, встряхнуть головой. – Не смей... колдовать... на меня... Я ведьма... я Смотрительница...

Язык еле ворочался, будто распух во рту. А песня все лилась, обволакивала меня, словно теплое одеяло. И хотелось уже не бороться, а закрыть глаза, отдаться этому сладкому чувству, этому голосу завораживающему.

Старалась я мысли собрать, заклинание хоть какое вспомнить, да куда там... слова путаются, голова кружится. Словно меня пьяным зельем напоили. Попыталась на ногах устоять, да земля и та из-под ног уходила.

Янтарные глаза приближались, росли, заполняли собой все пространство перед моим взором. Стояли они теперь на уровне моих глаз – значит, не кот уже, а кто-то выше ростом. Человек? Или кто иное?

В темноте мелькнуло что-то – не разглядеть толком, но чудилось мне, будто рука ко мне тянется, длинные пальцы раскрываются. Я руки вперед выставила, пытаюсь чаровника отогнать, но пальцы лишь воздух загребают.

– Не подходи... – Голос мой и самой не слышно было, шепот слабый, как шелест тростника. – Кто ты... такой? Что тебе... от меня... нужно?

Ответа не было, лишь песня колыбельная все лилась, затапливая сознание, унося волю мою прочь. И странное чувство закралось в душу – не было в песне этой зла или угрозы. Наоборот, что-то родное, знакомое, утешающее...

Коленки вот подгибаться принялись, и все мое тело вперед подалось. Все, нет больше сил сопротивляться... И почему-то не страшно уже, а спокойно так, тихо...

Колени совсем подогнулись, и я стала падать, будто подкошенная. Ладони вперед выставила, но не удержаться уж... Вот сейчас грохнусь о половицы, ушибусь больно...

Но вместо жесткого удара о половицы меня подхватили сильные мужские руки. Горячие, крепкие – обвили они стан мой, не дали грохнуться наземь. И прижалась я к груди широкой, твердой, словно камень, но теплой.

– Ну и зачем ты это сделала, Смотрительница? – раздался над ухом низкий голос, бархатный такой, с хрипотцой, от которого по телу мурашки побежали. – Хорошо ведь рядом жили. Что мне теперь с тобой делать?

Попыталась я глаза приоткрыть, разглядеть лицо говорившего, но темень кругом стояла, лишь янтарные глаза светились совсем близко, всего в паре ладоней от моего лица. И запах терпкий, как дым костра и осенние листья, окутал меня. Тот самый запах, что чувствовала я той ночью на поляне.

– Как же так, котик? – пробормотала я, сама себе удивляясь, что назвала его привычным прозвищем. – Что же ты... за создание?

Руки, державшие меня, чуть сжались, словно в объятии. Голос снова зазвучал, но уже тише, почти шепотом:

– Много вопросов задаешь, ведьмочка... А сама вся дрожишь, силушки-то нет... – В голосе слышалась насмешка, но не злая, а какая-то... нежная что ли? – Намекал я тебе, не суйся во что не понимаешь. Но любопытство твое сильнее здравого смысла, видать. А может и я намекал плохо...

Чувствовала я, как покидают меня последние крупинки сознания. Веки отяжелели, мысли путались, словно в тумане вязли. А сердце стучало так громко, так быстро...

– Кто... – одними губами прошептала я, но даже этот вопрос закончить не смогла.

Сон накрыл меня тяжелым пологом, утягивая в темную пучину бесспамятства. Уже почти засыпая, почувствовала я, как опускают меня на что-то мягкое – на постель, должно быть. Последнее, что ощутила – легкое прикосновение к щеке, нежное, почти бережное, и теплое дыхание возле уха.

– Спи, ведьмочка, – прошепестел голос, теперь уже совсем близко. – Утро вечера мудренее... А завтра уж решим, что с тобой делать.

И провалилась я в сон глубокий, без сновидений, словно в колодец бездонный, в черноту безбрежную, где нет ни времени, ни пространства. Лишь где-то на самом краю угасающего сознания все еще мерцали, словно отблески далекого костра, два янтарных огня.

Глава 8

Проснулась я внезапно, словно кто-то позвал. Глаза распахнула... темно вокруг, лишь сквозь щель в ставнях пробивается слабый свет. То ли луна еще светит, то ли заря занимается – не поймешь.

Лежу на полатах своих, одеялом укрытая. А как здесь оказалась? Последнее, что помню, как в обморок падала, а меня подхватили руки... мужские руки. И голос бархатный, низкий.

Сердце забилося быстрее. Все вспомнилось. И зеркальце волшебное, и черный дым вместо кота, и янтарные глаза. Не приснилось мне, значит. Правда все было.

Тихонько, стараясь не скрипеть досками, спустилась с полатей. Босыми ногами да на холодный пол. Пальцы поджала от неуютности. Вздогнула от озноба, огляделась. В избе пусто и тихо. Вроде бы. Но чувство такое, что кто-то здесь... следит.

Огонь бы зажечь, да страшно к печи подходить. Вдруг он там? Кто он вообще такой, этот кот-не-кот? Решилась на малое – магический светлячок создать. Простенькое заклинание, даже самые слабые ведьмы его с детства умеют.

Сложила пальцы щепотью, зашептала:

– Свет малый, сила ясная, явись изо тьмы...

И тут же услышала шипение злое, утробное. А в темноте вспыхнули две точки янтарного огня.

– Не надо... магического... света... – прозвучал голос, будто из-под земли приглушенный. – Режет...

Замерла я, руку с недоплетенным заклинанием опустила. Глаза янтарные ближе подвинулись. Теперь они были почти на уровне моих глаз.

– Лучше... вот так...

Послышался скрежет. Это кресало о камень ударилося. Искры высклились, а потом неверный огонек затеплился на березовой лучине. Высветились палыцы – длинные, человечьи, державшие ее.

– Другое дело, – голос стал ровнее, спокойнее. – Живой огонь мне не вредит. И лунный свет терпеть могу. А вот магический... не выношу.

Огонек лучины разгорелся ярче, и я наконец увидела... его.

Передо мной стоял молодой парень. Высокий, плечистый. Штаны, да рубаха холщовая с распахнутым воротом. Из-под нее татуировки виднелись, все какие-то символы хитрые. Короткие темные волосы взъерошены ежиком непослушным. Руки сильные... те самые, что меня в постель, видать, уложили.

Но более всего поразили меня глаза. Те самые, янтарные, что и у кота были, и у ночного гостя в видении. Чуть раскосые, яркие, с вертикальными зрачками, как у дикого зверя. И взгляд хитрый, пронизывающий насквозь.

Он ухмыльнулся, заметив мое изумление.

– Ну что, ведьмочка, теперь и ты втянута в эту историю. Хотела узнать, кто я? Вот и узнала.

Я попятилась, уперлась спиной в стену. Стояла, глаз с него не сводя. А в голове лихорадочно перебирала... Кто же он такой?

Ипостась кошачья, песни усыпляющие, во мраке живет...

Кот-баюн, не иначе!

Сказочное создание, из древних легенд. Не демон, не нечисть, а существо магическое, из другого мира пришедшее.

В академии нам рассказывали, что коты-баюны усыпляли путников своими песнями, а потом... пожирали их. Но вроде как истребили их еще во времена Третьего Княжества. А тут – нате вам! Живой, настоящий!

– Кот-баюн... – прошептала я. – Ты же... вымерли все...

Он усмехнулся шире, показав острые клыки не человеческие, звериные.

– Как видишь, не все. Хотя очень старались... охотники разные.

Лучину он сунул в светец у стола, та засияла ярче. Потом прошел к лавке, уселся, закинув ногу на ногу, и посмотрел на меня с насмешливой улыбкой.

– Да не трясись ты так. Не съем я тебя. Это все байки старушечьи. Коли б так было, я еще мог в первую ночь...

– А что ж тогда? – вырвалось у меня. – Сказки говорят, вы путников заговаривали, усыпляли и...

– И сжирали? – закончил он, рассмеявшись. – Не совсем так. Предпочитаю энергией питаться, а не мясом. Это куда... приятнее.

Внутри у меня все похолодело. Энергией? То есть жизненные силы высасывает?

– А кто готов ею делиться, – продолжал он, глядя на меня пристально, – те обычно сами приходили слушать мои песни... в мою постель.

Произнес это с таким намеком, что щеки мои запылали. Туда-сюда прошлась по горнице, собираясь с мыслями.

– Так ты... прирученный что ли? Как же тебя занесло в эти края?

Баюн вздохнул, поморщился.

– Давняя история. Был я когда-то свободным, сильным. Жил в лесах дремучих, на перекрестках дорог. Девушки деревенские сами ко мне приходили, – вздохнул так еще, с сожалением явным о былом-удалом. – Кто из любопытства, кто за предсказаниями. А я им песни пел, сказки рассказывал... Ну, и не только, конечно.

Хмыкнул, по мне взглядом пробежался с головы до пят, что меня всю жаром опалило. Но он моих реакций ждать не стал... Продолжил:

– И они делились со мной силой своей, молодостью. Охотно делились. Но была одна ведьма... сильная, умелая. Привязалась ко мне крепко, стала ревновать. Когда узнала, что не она одна ко мне ходит... разъярилась. И прокляла.

Он поднялся, подошел к окну, распахнул ставню. Лунный свет залил горницу серебром, и я увидела, как татуировки на его коже засветились тусклым синим светом.

– Теперь днем я только котом могу быть. А человеческий облик принимать лишь ночью, на несколько часов. – Он повернулся ко мне. – Но хуже всего, что питаться энергией я теперь могу только у тех, кто меня искренне полюбит и сам захочет ею поделиться. Зная, о моей сути нечеловечьей.

Я охнула, догадавшись.

– Так вот зачем ты... – Вспомнила я тот поцелуй, прикосновения во сне. – Ты пытался меня...

– Приворожить? – он приподнял бровь. – Не совсем. Скорее... вызвать интерес. Любопытство. Ты же ведьма, на тебя обычные чары не действуют.

– Бессовестный! – вспыхнула я. – А сосиски мои зачем слопал?

– Ну это уже из вредности, – хохотнул он. – Да и жрать хотелось зверски! Сколько я силы вбухал за сегодня. Думаешь, ты бы сама с трясунцом справилась? Мне твои заклятия усилить пришлось. Иначе бы они его не пробили.

Тут я вовсе опешила. И ведь мелькала мысль, что как-то все легко вышло. А тут – вон! Усилял он, значит!

Я уперла руки в боки.

– Значит так, господин кот-баюн! Это все чудесно и спасибо тебе пребольшое. Но придется тебе убираться из моей избы. Нечего здесь разбойничать и... на мою энергию зариться! Мне тут привороты ночные незачем!

Он прищурился, и что-то опасное мелькнуло в его взгляде. Мне уж захотелось и руки с боков убрать, но повременила. Голову только задрала повыше, хорохорясь.

– А вот это вряд ли, ведьмочка. Знаешь ли ты, что дом Смотрителя – это особое место? Точка силы.

– Что?

– Именно поэтому здесь и жилье ставят для Смотрителя. Здесь узел магических линий, они сходятся и расходятся, питая все болото. – Он обвел рукой горницу. – Поэтому я тут и поселился. Здесь... легче. Проклятие не так давит.

Он шагнул ближе, и я невольно отступила.

– К тому же... – В голосе его появилась угроза. – Я не только таким бываю.

Внезапно он дунул на лучину, и та погасла. Комната погрузилась во тьму, лишь лунный свет из окна падал серебристым пятном. И в этом пятне начал меняться силуэт баюна.

Он рос, расширялся, клубился чернотой. И вот уже передо мной стоял не человек, а огромный кот – размером с теленка, с черной лоснящейся шерстью, с когтями острыми, точно кинжалы. Пасть его раскрылась, показав ряды острейших зубов, а глаза полыхнули не янтарем, а светом уже багровым.

Я охнула сдавленно, отшатнулась. А чудовище зарычало низко да так утробно, что стекла в окнах задребезжали. Потом снова клубы тьмы, водоворот черноты, и передо мной вновь стоит парень с янтарными глазами.

– Видишь? – спросил он тихо. – Я могу быть и таким. И этим. И обычным котом. Три облика, три сущности. И у каждой характер чуть иной.

Он снова зажег лучину, и в ее свете лицо его показалось немного более суровым, и куда более древним, чем минуту назад. Пусть бы и прятался он за обликом парня молодого.

– Не гони меня, Смотрительница. Я могу быть полезен. Как видишь, я силен. И много знаю об этих местах. Больше, чем ты думаешь.

Я молчала, переваривая увиденное. С одной стороны – страшно. С другой – и правда, такой союзник не помешал бы. Особенно здесь, на болоте, где всякая нечисть водится.

– Да и потом, – добавил он, ухмыльнувшись, – Выгнать-то меня не так просто. Я ведь могу и вернуться. Хоть котом, хоть... иначе.

И тут-то вспомнилось мне, как он меня в ванне разглядывал, когда котом притворялся. Как сидел, смотрел внимательно, пока я мылась. Вся кровь к лицу прилила от возмущения!

– Ах ты бесстыжий! – взвилась я. – Значит, ты все видел! Когда я... мылась!

Он не смутился ни капли, только ухмылка стала шире.

– А что такого? Кот я был. Коты на такие условности внимания не обращают.

– Да тьфу на тебя! – Я схватила полотенце со стола и швырнула в него. – Смотрел ведь в упор!

Он поймал полотенце одной рукой, рассмеялся.

– Так ведь красивая ты, Смотрительница. Глаз не отвести.

Я совсем разъярилась. Воздух ртом хватаю, а что делать – ума не приложу! Проклясть бы его, так сил моих на то вряд ли хватит! Я ж отсюда ощущаю силищу, что от него исходит сейчас неприкрытая.

– Значит... Значит будешь на улице спать! Под избой тебе тоже места силы достанет!

Он демонстративно зевнул, показав острые клыки.

– Как скажешь. Только смотри, не прогадай. Мало ли что на болоте случится... или кто придет.

Намек был прозрачен. И хоть злилась я страшно, но понимала – прав он. Защитник такой лишним не будет. Особенно если Тишелей еще нового придумает или заворожить попробует.

– Ладно, – проворчала я, скрестив руки на груди. Едва зубами не заскрежетала. – Оставайся. Но только уговор – никаких твоих песен усыпляющих! И в кота превращайся при посторонних.

Он церемонно поклонился.

– Как пожелаете, госпожа Смотрительница.

Потом хитро прищурился и добавил:

– Зовут меня, кстати, Ярочар. Кот-баюн Ярочар. Запомни на будущее.

– И чего бы это? – буркнула я.

– А вдруг захочешь позвать? – Он подмигнул мне янтарным глазом. – Ночью. Песню послушать...

– Да ни за что! – Я снова покраснела от его намеков. – А ну брысь с глаз моих! Петухи скоро запоют, превратишься обратно в кота, так и сиди тихо!

Он рассмеялся – низко, раскатисто. И я с ужасом поняла, что этот смех мне... нравится. Что-то в нем было такое... притягательное.

– Как скажешь, ведьмочка, – он поклонился еще раз. – Только помни – я всегда рядом. И всегда слышу.

С этими словами он отступил в тень, и через мгновение на пол спрыгнул черный кот. Потянулся, зевнул и пошел к лежанке у печи, будто ничего и не произошло.

А я осталась стоять посреди горницы, глядя на него во все глаза. Вот так поворот! Кот-баюн у меня в доме! Да еще и такой... наглый!

Но, как ни странно, страха уже не было. Только раздражение и... любопытство. Да, определенно любопытство. Ведь мало кто из живущих видел настоящего кота-баюна. А я вот – пожалуйста! И даже имя его знаю.

Ярочар.

Интересно, что еще он может рассказать? И откуда столько знает о здешних местах? И действительно ли он может быть полезен?

Столько вопросов... Но задать их придется потом. А сейчас надо хоть немного поспать. Завтра дел неуправляемый.

Взглянула еще раз на кота, свернувшегося клубком у печи. Вроде обычный. Только глаза янтарные, пронзительные и теперь точно понимаю, что совсем не кошачьи.

– Спокойной ночи, Ярочар, – проворчала я, забираясь на полати.

Кот мяукнул тихонько и прикрыл глаза. И мне показалось, что он вновь усмехается.

Глава 9

Проснулась я еще до петухов. Сны чудные снились, будто иду по кромке болота, а рядом тень огромная скользит, то ли зверя, то ли человека. И не разобрать, защищает она меня или выслеживает.

Впрочем, страху не было вовсе, потому склонялась я к тому, что зла тень та мне не желала. Да и вообще... сон ведь.

Потянулась на полатах, прислушалась. Тихо в избе. Лишь сверчок за печкой потрескивает, да ветер в трубе посвистывает. Глянула вниз, а на подстилке у печи никого. Пусто.

– Кис-кис, – позвала негромко. – Ярочар, ты где?

И тут же из-под лавки выглянула усатая морда с янтарными глазищами. Потянулся мой котик, выгнул спину дугой, зевнул во всю пасть, показав острые клыки.

Подумалось вот невольно, сколько ж их там, этих острых зубищ? А ведь в демонической форме еще больше наверняка. В человеческом обличье и то клыкастый был.

Такой не только сосиски стянет, но и пальцы оттяпает. Да уж, соседка. С тобой все ж вражду мне затевать не с руки. Пусть бы ночью на тебя я и покричала, но то все больше эмоции. Теперь же, когда разум был свеж спросонья, поняла, по какой тонкой кромочке я бродила со своими “поди вон”.

“Доброе утречко, Смотрительница”, – раздался голос прямо в моей голове. Я аж подпрыгнула. – “Выспалась ли, милая?”

– Ты... ты что, говоришь? – прошептала я, озираясь по сторонам.

Кот фыркнул, уселся, обернув хвост вокруг лап.

“Не вслух, конечно. В голову твою говорю. Удобно, правда? Я ведь не шибко болтливый, но мысли передавать умею... тем, кому доверяю”.

– Или кого морочить надобно, – буркнула я, спускаясь с полатей. Подкат его добродетельский я не оценила. Знаю я таких. Сладко стелют, а потом... – А моих мыслей тебе не слышно?

“Не слышно, пока ты мне разум свой раскрыть не захочешь... но для того специальное действие требуется”.

Я кивнула, про себя отмечая сей факт. Ну, хоть бы и так.

“Кот-обормот, блохастый комок шерсти”, – начала я усиленно думать, поглядывая на Ярочара, – “и мех у тебя плешистый и... и пахнешь ты невкусно!”

Сидит... смотрит, голову только склонил.

“Что-то мне кажется, ты там что-то в мыслях перебираешь...” – промурчал мне в мысли.

Я усмехнулась. Либо виду не подал, либо и правда не слышит. Ладно, со временем-то уж понятно станет.

Холодно было в избе. За ночь печь остыла, а утренняя сырость пробиралась сквозь щели в стенах. Поежившись, я накинула на плечи шаль, потопала к печи растапливать.

“И не надейся, что спасибо скажу за ночлег, – продолжал баюн. – Я тут давно живу, все мое”.

– Ты гляди-ка, какой самоуверенный, – проворчала я, собирая щепу для растопки. – И давно ли дом Смотрителя твоим стал?

“С тех пор, как последний Смотритель сгинул”.

Я замерла с лучиной в руке.

– Как сгинул? – переспросила осторожно. – Отчего?

Я-то думала, тот в отставку ушел.

Кот лениво потянулся, запрыгнул на стол и улегся там, будто это не стол вовсе, а его личное место.

"А ты думала, чего прежний Смотритель не воротился? Сгинул он. Сожрали. Слабоват оказался. Недостаточно... внимательным".

По спине пробежал холодок. Я постаралась скрыть волнение, но руки предательски дрожали, когда я высекала огонь. Лучина загорелась не сразу. Дрова в печи занялись неохотно, задымили.

"Эх, беда с вами, людьми, – вздохнул кот мысленно. – Ни огня разжечь толком не умеете, ни за собой уследить".

– А ну брысь со стола! – рявкнула я, выпрямляясь. – Нечего тут хозяйничать! На столе едят, тьфу ты... За столом! А ты там шерсть свою трясешь!

Кот даже ухом не повел, только глаза прищурил лениво.

"Уже забыла, кто я такой? Могу и напомнить".

Вспомнился мне тот огромный страшный зверь, что являл мне Ярочар ночью, и по коже сызнова мурашки побежали. Но виду не подала, насупилась только, губы поджала.

– Кот ты сейчас, вот и води себя по-кошачьи. А не то метлой огрею.

Баюн фыркнул, но все же спрыгнул со стола. Прошелся по горнице, словно хозяин, осматривающий владения. Остановился у мешка с крупой, принялся.

"Тощевато живешь, ведьмочка. Как думаешь нечисть болотную кормить-то, коли самой едва хватает?"

– Кормить?! – возмутилась я. – Это с чего бы?

"Подношения, подарки, откупы, называй как хочешь. Без того на болоте не выжить. Тишелей-то, думаешь, почему к тебе благоволит? Кровь девичья ему по нраву пришлась. Вот и вся недолга".

Я вспыхнула, щеки загорелись.

– Не твоего ума дело, кот-баюн! – отрезала я, подбрасывая дров в разгорающийся огонь. – Сама разберусь, как с болотной нечистью дела вести.

Будто в академии не училась, в самом деле.

"Ну-ну, – протянул он насмешливо. – Посмотрим".

Позавтракала я быстро – краюхой хлеба с молоком. Коту плеснула молока в плошку, но тот даже не подошел. Сидел на подоконнике, хвостом подергивал, смотрел, как я собираюсь.

Надела я чистую рубаху, сарафан темно-синий, обулась в сапожки крепкие. На сей раз от глазастого этого за печкой спряталась. Кот котом, а я помнила, что и другая сущность у него имеется.

Волосы расчесала, заплела в косу тугую. На шею повесила оберег из трав сушеных супротив приворота. Пусть-ка Тишелей попробует теперь чаровать!

И вот когда я уже к двери направилась, кот вдруг спрыгнул с подоконника, преградил путь.

"Куда собралась, ведьма?" – спросил сурово.

– К Тишалею иду, – ответила я. – Договор скреплять. Чай, трясунца-то я извела и бобров его, которые не бобры вовсе, тоже.

"И одна, значит, идти вздумала? Без защиты? Без подмоги? Мало тебе вчера было?"

– А ты что ж, в защитники набиваешься? – усмехнулась я, скрещивая руки на груди.

Кот фыркнул, отвернул морду.

"Делай как знаешь. Но знай – Тишелей хитер. И нрав у него переменчивый, что весенний ветер. Сегодня улыбается, а завтра – утопит".

– Спасибо за заботу, – хмыкнула я, переступая через кота. – Но я тоже не лыком шита. Справлюсь.

Вышла на крылечко, в ступу свою залезла. Котик следом на краешек спрыгнул, но чуть к земле спустились, он на камни перескочил.

Ну и пускай. А я над болотом полетела и еще дальше, в самый Острый омут. Покружила над тамошними местами, проверяя. Но чертят и след простыл. Хатку тоже разобрали, все как уговаривались.

Нечисть, конечно, хитрая, но против договора не пойдет.

Вернулась я на озерцо болотное, примерно в то же местечко, где и до этого княжича призывала.

Достала из-за пазухи пузырек с кровью девственной – тот самый, что для Тишалея берегла. Откупорила, капнула три капли в воду.

– Тишалея, болотный княжич, хозяин вод стоячих, трав гнилых, – позвала я звонко. – Приди, покажись, дело есть.

Туман за клубился сильнее, завертелся воронкой. И вот из глубины его выступил Тишалея – такой же прекрасный, как и в первый раз. Волосы зеленые до плеч, глаза изумрудные, стан гибкий, как у ивы молодой.

– Здравствуй, ведьмочка, – улыбнулся он, показав зубы острые. Да что ж им всем эти зубы то!?! – Вернулась, значит. Не позабыла старого друга.

– Какой ты мне друг, – хмыкнула я, пряча пузырек. – Тебе от меня только кровь нужна. И то не на всякую явишься. А меня еще и в болото утащить хотел. Друг... ага.

Тишалея рассмеялся, и смех его звонким колокольчиком разнесся над болотом. Красивый все ж, зараза. Как и многие из ему подобных. Баюн-то вон тоже в человечьем облике внешностью не обделен.

Да уж... вот как природой задумано. Сильные хищники красивы сверх всякой меры, чтобы добычу удобнее было приманивать...

– Не только кровь, – подмигнул он вдруг, явно меня смутить пытаясь. – Красота твоя тоже манит. Словно кувшинка белая среди тины.

Я поморщилась. Такой лестью прямой меня заманить сложновато. Самооценка у меня нормальная, не жаловалась никогда. На комплименты обделенной себя тоже не считала. Так что пусть бы княжич при себе оные и оставлял.

Ну или хоть что поинтереснее придумал бы.

– Я бобров твоих, которые не бобы вовсе... Впрочем то ты и так знаешь, – отметила между прочим. И не укрылось от меня, как дрогнули губ его уголки. Точно знал Тишалея, к кому меня отправляет. – Извела я их, как и договаривались. Кикиморы теперь жить будут спокойно.

Тишалея прищурился, обошел меня кругом, прямо по воде ступая. Я чувствовала его взгляд, словно прикосновение скользкое, неприятное.

– Да, ушли они – проворчал неохотно. – Задание ты выполнила, ведьма. Но не думай, что теперь все так просто будет.

Я подбоченилась, глядя ему прямо в глаза.

– Договор есть договор, Тишалея. Ты слово давал.

Болотный княжич скривился, словно кислицы наелся.

– Вот люди! Все о договорах, о словах! А как же чувства? Желания? – Он шагнул ближе, глаза его засияли ярче. – Взгляни на меня, ведьмочка. Разве я не люб тебе? Разве не манит тебя мой взор, мой голос ласковый?

По телу принялась разливаться истома сладкая, дурманящая. В голове зашумело, ноги подкосились. Приворот! Вот ведь бессовестный, опять за свое!

Но на сей раз я была готова. Сжала в кулаке оберег, что на шее висел, прошептала заговор древний:

– Вода, сестрица, обереги от лиха, от глаза дурного, от слова злого, от приворота колдовского!

Наваждение схлынуло в тот же миг. Я выпрямилась, глянула на Тишалея сурово.

– Значит, вот как ты договоры чтишь? – процедила сквозь зубы, уж совсем низко опустившись к воде, но все ж так, чтобы даже ступой ее не коснуться. Впрочем, глаза Тишалея все равно напротив моих оказались. Высокий, чертяка. – Снова чаровать вздумал? Только я уже не та простушка, что была давеча. Подготовилась!

Тишалей отшатнулся, лицо его исказила гримаса досады.

– Вот... ведьма! – прошипел он. – Оберег смастерила? Кто научил? Не тот ли кот, что с тобой на острове обретается?

Я вздрогнула. Заметил, значит. Да еще б... Ярочар-то крови своей в болото брызнул.

И поди еще пойми, знакомы ли они? Ярочар-то Тишалея по имени знает, а тот его?

– Не твоего ума дело, – отрезала я, мысли свои прерывая. – Лучше скажи, признаешь ли ты меня Смотрительницей? Как уговор был?

Тишалей заскрежетал зубами, но кивнул неохотно.

– Признаю, – процедил он. – Ты теперь Смотрительница болот здешних. И всякая тварь болотная, что разум имеет и мне подчиняется, должна тебя слушать. Вот только...

– Что "только"? – насторожилась я. Так и знала, что без подвоха не обойдется.

– Не все твари мне подчиняются, – усмехнулся он криво и со злобой затаенной. Словно бы и радовался тому. – Есть те, что сами по себе ходят. Вольные. С теми сама договаривайся, коли сумеешь. Прошлый Смотритель вот не сумел.

Я губы поджала и кивнула коротко. Справедливо, ничего не попишешь.

– И еще, – добавил Тишалей, наклоняясь ближе. – Раз в луну полную ты должна мне дань приносить. Три капли крови девственной. Не забывай об этом, Смотрительница.

– Будет тебе кровь, – согласилась я. – Пока я здесь хозяйничаю.

Тишалей улыбнулся, и в улыбке его было что-то хищное. Желание назад отпрянуть меня почти прочь дернуло. Но сдюжила. Выдержала его взгляд.

– Смотри, не нарушай уговора. Иначе твоей приду отведать.

Он сам теперь отступил назад, в туман, и уже оттуда добавил:

– Надеюсь, это скоро случится... – и пропал... Ушел в свое болото.

Ага, надейся.

Я перевела дух, утерла испарину со лба. Хотелось еще ему жест неприличный вдогонку показать, но сдержалась.

Ну вот, дело сделано. Теперь я официально Смотрительница! И болотная нечисть должна меня слушать. Это ли не повод для радости?

Теперь еще с деревенскими знакомиться...

Домой я не полетела, а сразу к деревне направилась. В академии учили: как только место под защиту берешь, с людьми местными знакомиться надобно.

И вправду – кто как не они помогут? Сосиски мои кот подъела, а кушать хочется. Хоть яиц прикуплю, али сменяю на что. Да может мяса взять. Молоко с травами все ж не так сытно, как похлебка наваристая.

Ступа моя шустро неслась над лесом, потом над полями. Красота кругом! Избы крепкие виднелись вдали, дымки над крышами вились. Людская жизнь, спокойная, размеренная.

Заречье, как и сказывали, оказалось деревней немаленькой. Десятка три домов выстроились вдоль речки, а за ними еще виднелись. Часовня деревянная на холме стояла, мельница водяная крыльями скрипела. Сразу видать – зажиточное место.

Пролетать над деревней в ступе я не стала. Зачем народ пугать? Опустилась на окраине, в рощице березовой, ступу под кустом схоронила. Только хотела по тропочке к деревне пойти, как в голове голос кошачий раздался:

"Решила все-таки в деревню наведаться?" – Ярочар с березки ко мне прыгнул. Аккурат под ноги.

– А ты следишь за мной, что ли? – нахмурилась я. Как он только успел сюда вперед меня добраться на своих тонких лапках? Магия, не иначе.

Кот только хвостом дернул, словно отмахнулся. Вот и пойми его – то ли следит, то ли любопытный такой.

Мы пошли по тропочке, а после и по главной улице Заречья. Избы стояли крепкие, ухоженные, с резными наличниками, с палисадниками цветущими. Дворы чистые, мощеные. Видно было, что живут здесь справно, не бедствуют.

Люди, завидев меня, останавливались, глазели с интересом. Еще бы! Девушка незнакомая, в платье добротном, с осанкой гордой. Да еще и кот черный рядом, прямо как в сказке про ведьму. И плевать, что Ярочар не фамильяр мне подотчетный вовсе, а тварь прегордая.

Откуда им знать?

– Здравствуйте, люди добрые, – поклонилась я встречным. – Не подскажете, где дом старосты?

Мне указали на избу в два этажа, что стояла на самом видном месте у перекрестка дорог. Мол, там Радим Кузьмич и живет, староста округи всей.

Я направилась туда, а Ярочар увязался следом.

Дом старосты оказался и впрямь знатным. Большой, пятистенный, с крыльцом резным. Во дворе чистота, скотина ухоженная, в амбары двери приоткрыты и видно, что те полные несмотря на то, что сезон токмо в разгаре.

Видать, хозяйственный мужик Радим Кузьмич. И подворье у него шибкое.

Только подошла я к воротам, как во двор выкатился сам хозяин – мужчина дородный, с бородой окладистой, в рубахе расшитой. Брови кустистые нахмурил, глядя на меня.

– Ты кто будешь, девушка? – спросил сурово. – По какому делу?

Я выпрямилась, голову гордо подняла. Все как настоящей ведьме независимой положено.

– Смотрительница я новая. На болота прислана. Велено со старостой местным познакомиться.

Радим Кузьмич хмыкнул недоверчиво, оглядел меня с головы до ног.

– Что-то больно молода ты для Смотрительницы. Прежний-то Смотритель, Яромир Степанович, мужик был в годах, с бородой по пояс, с посохом в два роста. А ты соплячка совсем.

Я не обиделась, чего ждать-то от деревенских? Им бы старца сурового с громовым голосом. А тут девка молодая.

– Может, пригласите в дом? – спросила я вежливо. – Не на улице же разговаривать.

Староста помялся, но кивнул все же, отворил калитку ширше. Я шагнула во двор, а за мной и Ярочар проскользнул.

– И кота с собой таскаешь? – поморщился староста. – Не люблю котов, особенно черных. Говорят, они с нечистой силой знают.

"Если б он знал, насколько прав", – хмыкнул мысленно Ярочар. Я на него только покосилась строго, но было б ему еще до того дело.

В горнице было чисто и богато. Лавки дубовые, стол широкий, печь беленая с лежанкой. На столе самовар пыхтел. Видать, хозяин чаевничать собирался.

– Садись, раз пришла, – кивнул староста на лавку. – Рассказывай, кто такая и что тут делаешь.

Я села, расправила подол платья своего. Подумалось, правда, что лучше б сарафан надела, так бы привычнее местным, но теперь-то поздно.

Достала из-за пазухи свиток с печатью академии и медальон выпускницы.

– Вот, глядите. Яда Вихрева, выпускница Академии Тайных Наук. Прислана по распоряжению Ведомства Охраны Приграничья на место болотной Смотрительницы. Полномочия имею полные.

Староста свиток развернул, печать внимательно осмотрел. Хмыкнул.

– Бумага-то государева, не подделаешь. Только вот странно, отчего ж такую молодую прислали? Смотрители-то всегда мужики опытные были, с силой немалой.

– Времена меняются, Радим Кузьмич, – улыбнулась я. Не говорить же, что ректор на меня зуб точит и подальше меня сунул. – Да и не в годах сила, а в умении. Я, может, молода, да обучена как следует. И с княжичем болотным уже договорилась, признал он меня Смотрительницей.

При имени Тишалея староста вздрогнул, знамением охранным чело осенил.

– Болотный-то? Княжич водяной? И как же ты с ним сладила?

– Чертят вывела, трясунца извела, – ответила я нарочито просто, а сама меж делом на старосту поглядываю. – Тех, что в Остром омуте жили, людей губили. За то Тишaley мне место и согласовал.

Радим Кузьмич поглядел на меня уже с уважением.

– Трясунца, значит... Его, сказывают, сам Яромир Степаныч не трогал, больно силен был тот трясунец. А ты, значит...

– Справилась, – кивнула я. – Теперь здесь хозяйничать буду. Нечисть в узде держать, порядок наводить.

Староста почесал бороду, подумал.

– Ну что ж, коли так, быть тебе Смотрительницей. Хоть и девка, а с понятием, видно. Надо бы весть во все деревни пустить, что новая Смотрительница пожаловала. Чтоб знали, к кому идти, если что.

– Потому и пришла к вам первому, – улыбнулась я. – Помогите с народом познакомиться, объяснить, что да как.

Староста вздохнул, будто ему тяжкую повинность навязывали.

– Ну, коли надо... Сегодня как раз праздник у нас – Зеленые святки. Народ с окрестных деревень соберется на главной площади. Тут тебя и представим.

"Повезло, – шепнул мысленно Ярочар, запрыгнув на лавку рядом со мной. – Зеленые святки – самое подходящее время для новой Смотрительницы".

“Ничего-то ты не знаешь”, – фыркнул котяра. А я плечами пожала. Мало ли у местных своих праздников может быть? Зеленые святки, это явно не что-то общепринятое.

А дальше меня уж приготовлениями захлестнуло, вообще не до раздумий стало. К полудню площадь запрудил народ. Из всех окрестных деревень съехались. И из Заречья, и из Малиновки, и из Ключей, и из Сосновки. Девы в сарафанах ярких, парни в рубахах расшитых, старики степенные, бабы румяные. Столы длинные поставили, яства всякие наготовили – пироги, блины, студень, квас медовый, брагу хмельную.

Меня усадили на почетное место, рядом со старостой. Ярочар устроился у моих ног, словно верный страж. Празднество гулять принялись.

Загудело со всех сторон. На меня покамест лишь поглядывали да перешептывались. Представить меня еще не успели. Староста ждал, пока все друг с другом наболтаются.

Конечно, ведь у всех тут с окрестностей родня поприехала. К кому кум, к кому сват-брат. Со всеми надо полобызаться, пообниматься, узнать, как дела дома, на свои пожаловаться.

А я и сидела спокойно, знай себя яства подкладывала, пока время пожевать спокойно было. Ела-то нормально когда в последний раз? Чтоб не скудно и не на скорую руку... Со всеми этими делами о себе заботиться через раз стала. Негоже как-то, надо это исправлять.

Когда я уже сытая сидела, а разговоры людские с гвалта на гул перешли, Радим Кузьмич встал, кубок поднял.

– Люди добрые! – возгласил он зычно, оглядывая собравшихся. Хотя вряд ли всех. Народу-то собралось, в несколько рядов столы стояли и еще дальше по улице уходили. – Весть принес я вам радостную. Отныне есть у нас Смотрительница новая, господарочка Яда.

Я поморщилась, когда он меня этак фамильярненько представил. Не госпожа, а господарочка. Хотя... может ласково хотел? В голосе вроде насмешки не слышать.

– Из самой столицы к нам пожаловала, – продолжал он. – Сам княжич нечистивый ее признал, власть над болотами даровал!

По толпе пронесся шепоток удивленный. Многие осеняли себя защитными символами – упоминание Тишалея лишний раз произносить боялись видимо. И я понимала почему...

Княжич этот, наверняка не мало люда к себе заманил. И девиц особливо. А силой, как и все болотники высшие, обладал немалой.

– Трясунца она извела, что в Остром омуте жил, людей губил, чертей повыгоняла, – продолжал староста. – Силу свою показала. Теперь под защитой ее деревни наши будут. Уважайте ее, помогайте ей, ежели что попросит.

Люди закивали, заулыбались. А я встала, поклонилась им низко.

– Здравствуйте, люди добрые, – сказала громко, чтоб всем слышно было. – Рада я быть Смотрительницей вашей. Обещаю, что нечисть всякую в узде держать буду, людям помогать, от хворей лечить, от напастей оберегать. Приходите ко мне на болото, в дом Смотрителя, коли помощь нужна будет.

Тут барышни местные расшумелись, затараторили все разом. Кому травы от кашля нужны, кому отвар от живота, кому заговор от сглаза. Мужики тоже не отставали – просили амулеты от водяного сделать, снадобье от зверя болотного, чары на рыбалку удачную.

– Потихе, потихе! – рассмеялась я. – Всем помогу, но по очереди. Приходите на болото по одному, там и разберемся с вашими нуждами.

Радим Кузьмич кивнул одобрительно.

– Слышали, люди? Не докучайте Смотрительнице все разом. У нее и без того дел хватает. Дело ли, током прибыла к нам. Так нахрапом своим спугнете, снова без защиты останемся.

И на меня поглядел одобрительно. Видно все ж сменился на милость. Я улыбнулась ему и кивнула благодарно.

Застолье продолжилось шумное, веселое. Меня угощали наперебой, то пирог подсунут, то чарку браги. Я не отказывалась. Негоже от угощения отворачиваться, обычаи местные надо чтить.

За столом меня обсели девицы местные, румяные, белозубые, с косами толстыми. Любопытные и болтливые, что настоящие сороки!

– А правда, что вы, ведьмы, на метле летаете? – спросила одна, Марьяна, кажется.

– В ступе я летаю, – улыбнулась я, прихлебывая брагу. Крепкая оказалась, аж в носу защипало! – Метла она для другого... Есть, конечно, мастерицы, но неудобно это. Палка-то тонкая, впивается.

– А котик ваш, он волшебный? – поинтересовалась другая, Настасья, русая да веснушчатая.

Я глянула на Ярочара. Тот дремал, свернувшись клубком у моих ног. Или притворялся, что дремлет.

– Обычный кот, – соврала я. – Просто умный очень.

– Да ну! – не поверила третья, Любава, смуглая да горбоносая. – У ведьмы всегда фамильяр есть! У Яромира Степаныча ворон был, Карыч, страшный такой, глазастый.

– Фамильяр? – переспросила я, отпивая еще браги. В голове уже шумело чутка. По телу разливалось расслабленностью. Надо бы, наверное, на что менее хмельное перейти. – Ну, не то чтобы...

– Видали? – шепнула Марьяна подружкам. – Есть фамильяр! Только она не признается!

Девицы захихикали, а я не стала их разубеждать. Пусть думают, что хотят. Пригубила еще браги, а чарка снова полнехонька. Когда успели налить-то?

Вечер уже спускался на деревню, а пир не утихал. Парни заиграли на гармошках, девки пустились в пляс. Меня тоже вытянули в хоровод, куда деваться? Плясала я, платком размахивая, подолом шурша. Потом снова за стол сели, теперь уже тесным кружком, девичьим.

– А давайте мы вам с котиком поможем! – вдруг предложила Любава, подсаживаясь ко мне ближе.

– С каким еще котиком? – не поняла я, разомлевшая от браги.

– С вашим! – подхватила Марьяна. – Чтоб фамильяром настоящим стал! Мы обряд знаем, бабка Матрена научила. Мы себе-то пытались завести, но без силы колдовской все, куда нам.

Я расхохоталась. Ну надо же! Деревенские девки хотят мне помочь кота-баюна фамильяром сделать! Вот умора!

– Да какой из него фамильяр, – махнула я рукой. – Котяра обычный.

– Неправда! – упрямо сказала Настасья. – Я видела, как он на вас смотрит! Глазищи янтарные, умные. Он особенный! Просто вы связь с ним еще не установили как следует.

Вот-те на! Девчата деревенские меня ведовству учить решили.

Ярочар, словно почуяв неладное, вдруг поднял голову, глянул на меня настороженно. Но тут его окликнули со двора – мальчишка какой-то звал "киску" молочком угостить. Кот презрительно фыркнул, но соблазн был слишком велик. Поднялся и важно удалился со двора.

А мы с девицами остались. И брага в кувшине еще не кончилась.

– Ну так что, поможем? – настаивала Любава. – Обряд простой, нужно только ленточку красную, каплю крови вашей и полночь!

Я хихикнула, качнувшись. В голове шумело, все вокруг казалось забавным. Хороводило меня уже и безо всяких танцев.

– А давайте! – решила я вдруг. – Чего там. Посмотрим, что из этого выйдет.

"Вот дуреха, – шепнул трезвый голосок в глубине сознания. – Ярочар же не просто кот, он..."

Но я отмахнулась от голоса. Подумаешь! Все равно ничего не получится, а девчонок повеселю. Да и самой любопытно, что за обряд такой они знают?

Девицы захихикали, схватили меня за руки.

– Пойдемте к реке! – зашептала Марьяна. – Там тихо, никто не помешает.

И потащили меня, хихикающую, к реке. Петляя между избами, перешептываясь и прыскавая со смеху.

У реки было тихо, только лягушки квакали да волны о берег плескались. Луна почти полная серебрила воду, и казалось, будто река – это дорожка светлая в неведомые края.

Любава достала из-за пазухи ленточку алую, иголку и пузырек с чем-то темным.

– Вот, бабка Матрена дала, – объяснила она. – Травы всякие, настоянные на росе с могильника. Для крепости обряда.

Я икнула. В голове все плыло, но затея казалась все забавнее. И травы-то с могильника они нашли. Те ведь и правда силами колдовскими обладают. Но здесь, в деревнях окрестных, ведьм не было, иначе б меня предупредили бы еще в академии.

А значит и опасаться, что обряд этот действенный, не стоит.

– И что делать-то? – спросила, подавляя смехок.

– Сначала надо котика приманить, – объяснила Настасья. – Потом ленточкой обвязать, каплю крови вашей добавить и слова сказать особые.

Марьяна вынула из подола кусок рыбы вяленой, помахала им.

– Вот, приманка для котика! Сейчас придет.

И точно, не успели мы оглянуться, как из кустов выскользнула темная фигура. Ярочар! Учужал рыбу, притащился. А может, за мной следил, кто его знает.

– Кис-кис-кис, – позвала Марьяна, приседая и протягивая рыбку. – Иди сюда, котик хороший.

Ярочар подошел настороженно, принюхиваясь. Глаза его в темноте горели янтарным огнем.

– Хватай его! – вдруг скомандовала Любава, и девицы кинулись вперед, словно коршуны.

Кот зашипел, попытался увернуться, но куда там! Три пары рук обхватили его, прижали к земле.

– Держите крепче! – командовала Любава, разматывая ленточку. – Он сейчас брыкаться начнет!

Ярочар и впрямь забился, зашипел громче. В янтарных глазах полыхнула ярость.

"Пусти меня, дуреха! – раздался в моей голове его разгневанный голос. – Что вы творите?! Я сейчас обращусь, и вам всем надаю по жо..."

Я усмехнулась и отмахнулась от него, отсекая поток его мыслей от собственных особым щитом ментальным. Вот уж и позабавиться нельзя.

Ничего, потерпит, нечего ему было за мной голой глазеть.

– Ну, а дальше чего? – я к девчонкам ближе подошла.

Все равно ж с этого ритуала толку не будет, не делается так, без подготовки да любой лентой. И без того, чтобы магию в символы али слова вложить.

Так, позабавимся чуток. Я даже фейерверк из искорок пушу, пусть бы девчонки потом по деревне разносят, что я ведьмовство и правда сотворила.

Ярочар заурчал яростно. Брыкаться он уже прекратил, на меня только зло глядел, уши к голове прижал.

– А вот нечего было за мной подглядывать, – склонившись к нему произнесла еле слышно и елейно-ласково, палец иголкой уколола и ленту мазнула.

И тут же искры запустила вокруг нас.

Девчата завизжали, разбегаясь кто куда.

Да только кроме искр и что-то еще мелькнуло, а кот заорал дурниной.

Глава 10

...Деревенские девки любили его безумно. Статный, красивый, с медными волосами до плеч и улыбкой, от которой сердце замирало. Откуда взялся? Кто таков? Никто не знал. Но когда заговаривал, нельзя было не слушать, не подчиняться этому бархатному голосу.

Марфушка первой пропала. Ушла с ним в лес по весне, вернулась через неделю – бледная, с запавшими глазами, словно хворь какая ее источила. А он уже с Дареной гулял, песни ей пел, руку целовал.

Потом и Дарена пропала, после Аленька, потом еще и еще. Входил в доверие, обещал любовь вечную, уводил в свое логово на три дня и три ночи, а потом бросал – опустошенных, измученных, еле живых.

– Баюном его кличут, – шептались старухи. – Кот-баюн, нечисть лесная. Поет сладко, а сам силу жизненную тянет. Из девок молодых лучшие всего! Через любовь, через страсть, через соитие. Всех девок нам перепортил!

Девки, однако, не слушали. Каждая думала – со мной-то не так будет, меня-то полюбят по-настоящему.

И шли, глупые, в его объятия.

Сам он не помнил, когда начал так жить. Может, десятки лет назад. Может, век другой. Для таких, как он, время течет иначе. Помнил только, что сила нужна ему, как воздух. Сила живая, молодая, которую лучше всего через любовную страсть получать.

Кто-то из таких как он страхом предпочитали брать. Гоняли едва ли не до смерти, прежде чем силу испить. Но Ярочар такого не любил. У страха и ужаса сила горькая, что скулы сводит. А у любви – сладкая, терпкая, словно летняя медовуха.

А потом явилась она. Ведьма настоящая, не чета деревенским девкам. Волосы черные как смоль, глаза зеленые, как молодая трава. Увидела его на ярмарке, усмехнулась. Не так, как другие девки, а насмешливо, с вызовом.

– Знаю я, кто ты, – сказала она ему прямо. – И чем промышляешь, знаю.

Он не испугался. Подумаешь, ведьма! Ведьмы тоже женщины, тоже любви хотят, страсти жаждут.

– А коли знаешь, – ответил с улыбкой своей чарующей, – то и боишься, поди?

– Не боюсь, – отрезала она. – Но и в твои сети не попадусь.

Вызов! А от вызова он никогда не отказывался. Решил эту гордячку приручить, обольстить, силой ее напитаться. У ведьм силы много, надолго хватит.

Ухаживал красиво. Цветы под окном оставлял, песни пел такие, что сердце заходило, в глаза заглядывал – не мог начаровать, ведьма все-таки, но и без чар обходился.

Неделя, другая, месяцы... Она сдалась. Сама пришла к нему в лесное логово, сама отдалась. А сила в ней была – ух какая! Жадно пил он эту силу, через поцелуи, через объятия, через слияние тел. Пил, не мог напиться.

Три дня и три ночи длился их любовный пир. А потом, как обычно, остыл. Наигрался. Насытился.

– Прощай, – сказал ей на четвертое утро. – Было хорошо, но мне пора.

Она не плакала, не умоляла. Смотрела только. Пристально, цепко. А потом улыбнулась так, что даже ему, древнему существу, жутко стало.

– Любишь играть чужими сердцами, баюн? – спросила тихо. – Любишь силу через любовь красть? Что ж... Будет тебе проклятие по делам твоим.

Он не успел ее остановить. Ведьма сорвала с шеи амулет, бросила в костер, что догорал у входа в пещеру. Пламя взвилось высоко, стало зеленым, чадающим.

– Отныне и вовеки, – произнесла она нараспев, – привязан будешь к месту одному – болоту дикому за Тремя холмами. Не сможешь уйти далеко, всегда возвращаться будешь. А силу брать сможешь лишь малыми порциями, чтобы голод не утолять никогда. И полноценной связи с женищиной не будет у тебя, пока истинно не полюбишь! И чтобы то взаимно было! Всем сердцем, всей душой, не на время, а навечно. Да только кто полюбит такого, как ты? Кот-баюн? Вот и ходишь тебе при свете дня котом обыкновенным!

Он кинулся было к ней, но ведьма, и без того истощенная их любовными днями, последние искры выплеснула. И упала без жизни.

А костер взревел, окутал его зеленым дымом. Боль пронзила все тело, скрутила, выжгла изнутри. Он кричал, метался, но ничего не мог поделать.

Когда очнулся, был уже на болоте. Там самом, за Тремя холмами. И чувствовал: привязан к нему невидимой цепью, не вырваться.

Пытался, конечно. Уходил, сколько мог. Но всегда возвращался – измученный, голодный, злой. А голод этот, голод по живой силе, теперь никогда не утолялся полностью. Сколько ни бери – все мало.

Годы шли. Десятилетия. Век прошел. Он научился жить с проклятием. Научился брать силу по крупицам – у зверей лесных, у путников случайных, иногда и у девок деревенских, но немного. Поди в ночи да во снах околдуй их так, чтоб прямо открылись-доверились... Чуть просыпаются, сразу брыкаются, шельмы. Не нравится им в постели с кошмаром ночным развлекаться. А уж о любви и вовсе говорить нечего.

А еще появились Смотрители. Колдуны сильные, ведуны знающие. Первый Смотритель, Радомир, сам его нашел, сам предложил договор: ты помогаешь мне болото стеречь, я тебе позволяю жить рядом, силой делюсь.

Согласился. Куда деваться? А потом привык. Смотрители менялись, а он оставался. Всегда на болоте, всегда рядом с домом Смотрителя – там, где легче было его проклятие переносить.

А потом пришла она... Девчонка совсем. Ведьма неопытная. И что-то в ней было... знакомое. Похожее на ту, давнюю, что прокляла его. Те же волосы темные, те же глаза зеленые.

Не удержался... подсмотрел, как купается. Обличье человеческое не мог принять – чары мешали. Но в кошачьем смотрел, запоминал. И внутри что-то шевельнулось – давно забытое, непривычное.

А что теперь?

Едва все стихло, я обнаружила себя лежащей на берегу. Искры мои растаяли в воздухе, а девчонки деревенские и вовсе сбежали, только пятки сверкали.

Ну... или не очень лежащей. Скорее распластанной.

– Ты ополоумела, ведьма? – Ярочар во всей своей мужественно-человеческой красе нависал надо мной, вжимая мои тела своими в прибрежный речной песочек.

Лунный свет серебрил его плечи, а в глазах плясало пламя... не то отражение звезд, не то ярость самая настоящая. Рубаха на нем была порвана. Видать, при обращении спешном. Грудь тяжело вздымалась, а татуировки на коже словно бы шевелились, перетекали под лунным светом.

Я заелозила, пытаюсь высвободиться, но коленочка его аккурат меж моих бедер пристроилась, а на мои шевеления еще теснее вжалась. Как и сам Ярочар – горячий, тяжелый, пахнущий хвоей и чем-то диким, звериным.

– Пусти! – пискнула я, чувствуя, как подол задирается выше, открывая ноги прохладному ночному воздуху.

– И не подумай, – прорычал он, наклоняясь ниже. – Пока не объяснишь, что за дурь на тебя нашла.

Попыталась пальцы в магический знак сложить, со страху защититься от него, но он мигом пальцы свои с моими переплел и руки мои вверх дернул, так что оказалась я под ним распята и беспомощна. Песок охлаждал спину, а сверху жар от его тела обжигал даже через ткань платья.

– Я тебя спрашиваю! – он шипел мне в лицо, обжигая дыханием. Губы его были совсем близко, я чувствовала запах браги и чего-то пряного. – Я тебе что, кот какой подзаборный? Игрушка для потехи?

– Отпусти! – я снова отчаянно заелозила, но Ярочар держал крепко. Ни шиша не вырвешься!

Его пальцы на моих запястьях были как стальные оковы. Да и телом он прижал меня так, что только и могла дышать через раз. А уж как сердце колотилось! То ли от страха, то ли от чего иного... Сама не пойму.

– Если ты не перестанешь брыкаться, я прямо здесь из тебя черпать силу начну, – он совсем ко мне прижался и прямо в ухо зашептал горячо, губами мочку задевая.

Дрожь по всему телу прошла от макушки до пят. А в груди что-то сжалось сладко и тревожно.

– Поверь, тебе понравится, – добавил он таким голосом, что внутри все перевернулось. Хмельной туман в голове словно сгустился, но совсем иначе. Не брагой, а чем-то терпким, дурманящим.

– Слезь с меня, инкуб чертов, – я и сама шипела не хуже него, но голос предательски дрогнул.

– Инкуб? – Ярочар тихо рассмеялся, обдавая мою шею горячим дыханием. – Ну нет, милая. Я пострашнее буду. Инкубы, они только по снам шастают. А я... я всегда рядом. И реален во плоти.

Тепло его тела обволакивало меня, и странное дело, мне совсем не хотелось вырываться. Что-то древнее, первобытное просыпалось внутри, заставляя тянуться к нему, хотя разум кричал: "Беги!"

– Ты хоть понимаешь, что сделала? – глаза его снова напротив моих оказались. Янтарные, с вертикальными зрачками, затягивающие, как омут болотный.

Я нахмурилась. К чему ведет этот кот-обормот?

Хмель в голове еще мешал думать как следует. Да и о чем тут вовсе размышлять-то? Ну позабавила немного деревенских... Они ж не знают, что он не кот простой.

– Позабавила, значит... – эхом Ярочар отозвался. Кажется, последнее я вслух сказала. – Значит, такое для тебя забава просто?

Его лицо оказалось еще ближе, я чувствовала его дыхание на своих губах. В глазах его пламя разгоралось все ярче.

– Ты, верно, не знаешь, что кровь и лента – не просто так? Особенно когда речь о существах вроде меня. А слово ведьмы в Зеленые святки...

– Да что такого-то? – вырвалось у меня. – Обряд пустой, без силы, без...

– Без силы? – он оскалился, показав клыки, что даже в человеческом облике оставались острые. – А магический выброс ты не почувствовала? Думаешь, просто искры полетели?

Я непонимающе уставилась на него. Какой еще выброс? Я искры запустила для красоты...

– Кровь девственницы-ведьмы, красная лента и слова древние, пусть даже без понимания сказанные, в Зеленый день да на полной луне... – шептал он, скользя губами по моей щеке к уху. – Ритуал привязки, милая, это не шутики.

Я ахнула, чувствуя, как по телу разливается холодок ужаса. Не может быть! Это же просто пьяная забава была!

– Врешь, – выдохнула я, глядя в его глаза. – Не бывает так.

– А знаешь, это даже может стать забавным... – Он вдруг усмехнулся странно. – И мне так проще будет. Всяк не к месту привязанным сидеть.

Он вдруг мои руки перехватил в одну свою. Запястье свое поднес к лицу и с силой впился в него зубами. Я на него глазами круглыми уставилась. А его собственные и вовсе ярким огнем зажглись! Прямо засверкали в ночном-то мраке!

– Ярочар, ты что... – но договорить он мне не дал.

Запястье от лица-то убрал и ко мне склонился. Губы его вдруг к моим прижались с силой, а рукой свободной он меня за подбородок схватил и челюсть чуть сжал, чтобы рот раскрыла.

Я забила от такого кошунства. Это что вообще делается!? Посреди белого дня... ночи вернее! Он что о себе возомнил?

Только едва губы разомкнула, он языком меж них скользнул, поцелуй этот дурной углубляя, а вместе с тем в рот мне хлынуло соленое.

Кровь!

И тотчас тело словно огнем объяло. Жар прокатился от губ вниз, по горлу, растекаясь по груди, по животу, спустился еще ниже...

– Что... что ты делаешь?

Глаза его напротив моих колдовским огнем горели... Ярким и неистовым.

Глава 11

– Связь закрепляю, – хрипло ответил он, глядя на меня потемневшими глазами. – Ты начала, я завершаю. Кровь за кровь, ведьма.

Жар, по телу растекшийся, жег нестерпимо. Точно болотные огни плясали под кожей, обжигая изнутри. Я застонала, попыталась вырваться из-под тяжести Ярочара, но сил почему-то совсем не осталось.

– Что ты... наделал? – прохрипела я, ощущая, как сила его внутри меня растекается. Она-то и выжигала меня, палила и кусала, точно угли разгоряченные перекатывались.

Баюн отстранился чутка, все еще глядя на меня сверху вниз. Глаза его постепенно угасали, возвращаясь к обычному янтарному свечению.

– Сказал же, закрепил связь, – процедил он сквозь зубы, облизнулся, последние капли крови с губ стирая. – Раз уж ты так неосмотрительно ее начала.

– Какую еще связь? – я попыталась отползти, но он все еще держал меня крепко.

– Фамильярную, – хмыкнул Ярочар со злой усмешкой. – Поздравляю, ведьмочка. Теперь я действительно твой фамильяр. А ты – моя ведьма. Навсегда. Ну, покамест ты живая.

С этими словами он наконец-то отпустил меня и поднялся на ноги. Я осталась лежать на песке, ошеломленная, с бесстыже задранном подолом, ослабевшая донельзя. Голова кружилась, перед глазами плыли разноцветные круги. Последнее, что я помню, как Ярочар, выругавшись, поднял меня на руки...

Проснувшись в собственной постели, на полотах в доме Смотрительницы. Лучи утреннего солнца били прямо в глаза, заставляя морщиться от боли. Голова раскалывалась, во рту пересохло, а тело казалось чужим, неповоротливым.

Приподнявшись на локтях, я огляделась. Избушка была тиха и пуста.

– Ярочар? – позвала хрипло.

Тишина. Только сверчок нерадивый за печкой все трещал, да ветер в трубе посвистывал.

Память о вчерашнем возвращалась обрывками, словно кусочки рваного сна. Деревня... брага... девицы деревенские с их обрядом... Ярочар, прижимающий меня к земле, его кровь, смешивающаяся с моей. И Сила баюна по моему нутру растекшаяся вместе с той кровью.

Я застонала, обхватив голову руками. Что я наделала!?

Думала, просто позабавиться, а как все обернулось? Что, мать их за ногу, за святки у них тут цветные? В столице, да и в моей родной деревне о таких празднествах слухом не слыхивали! В академии тоже про то не рассказывали. И уж тем более неведомо, как можно без символов особых заклятия творить?!

Кое-как спустившись с полатей, я добрела до умывальника. Вода была холодная, обжигающая, но именно то, что нужно. Умылась, чуть полегчало. Голова все еще гудела, но хотя бы мысли прояснились.

Я полезла в один из сундуков своих, где хранила книги. Достала фолиант старый, потрепанный, полистала, за другим сунулась. На третьем остановилась. На пол так и уселась, спиной к сундуку привалившись.

Ритуал с красной лентой на привязку фамильяра я сыскала. Древний, лишь вскользь упомянутый, но страшно похожий на то, что мы устроили. И нашелся он ведь не в учебнике! А в томике старых поверий!

Таким никто уж давно не пользовался, да и не работало оно! Не должно было!

Надо было искать Ярочара, объясняться. Если то, что он сказал, и что в книге написано – правда, мы теперь связаны... и придется как-то с этим жить.

– Ярочар! – позвала я громче, выглядывая на крыльцо. – Ты где?

"Здесь", – раздался голос в моей голове, я развернулась на пятках и вздрогнула от неожиданности.

Под потолочной балкой сидел черный кот и лениво вылизывал лапу. Глянул на меня сверху вниз янтарными глазами, и в них читалось столько презрения, что захотелось провалиться сквозь землю.

– Слезай, – попросила я. – Надо поговорить.

"О чем тут говорить? – фыркнул он мне в мысли. – Ты все сама прекрасно устроила. Теперь мы связаны, как две половинки гнилого яблока".

– Я не знала, что так получится, – пробормотала я, потирая виски. – Думала, это просто забава... Что обряд не подействует.

"Обряд привязки, исполненный ведьмой, пусть даже по незнанию, в ночь Зеленых святок, на растущей луне, с кровью девственной и не подействует?" – Ярочар прыгнул вниз, приземлившись у моих ног. – "Ты либо дура набитая, либо прикидываешься".

– Эй! – возмутилась я. – Я, между прочим, в академии училась! Но там нас не учили, что простые деревенские девки знают настоящие ведовские обряды!

"Потому что обычно не знают, – проворчал кот, запрыгивая на одну из полок книжного стеллажа, чтобы быть на уровне моих глаз. – Но эта ваша Матрена... от нее несло старой ведьмовской кровью. Выродившейся, но все же. Видать, какая-нибудь ее прабабка была ведьмой настоящей".

Я вздохнула, опускаясь на табурет. Голова гудела все сильнее.

– И что теперь? – спросила тихо. – Как эту связь... разорвать?

Кот фыркнул, дернул хвостом.

"Никак. Это навсегда, ведьмочка. Смерть одного – вот единственный способ разорвать фамиллярную связь".

– Ч-что? – я подняла на него испуганный взгляд. – Ты хочешь сказать, что теперь...

"Что теперь мы связаны до гроба, – кивнул Ярочар. – Ты умрешь – умру и я. Я умру – зачахнешь и ты. Такова цена фамиллярности".

– Ярочар, не смешно это! – я не могла поверить услышанному. – Это ведь придания старинные. Легенды просто! Как оно может быть настоящим обрядом?!

Я книгой потрясла, но кот только глаза закатил.

– Фамилляров так не привязывают! И что за история про "умру я, умрешь и ты"? У ведьмы не один фамилляр бывает за жизнь. Это ж ведь и животное обычное бывает, разве что ученое, силой наделенное. Но связь меж ними никогда такой прочной не бывает.

"Я тебе не кот обычный. Сколько раз тебе повторять, а, ведьма?" – вскинулся Ярочар. – "Я с тобой силу свою поделил, теперь она в твоём распоряжении. Как и жизнь моя. И ты за такое своими силами платишься. Так что уж прости, условия контракта таковы, каковы есть".

И морду отворотил.

– Почему же там, на реке, еще до того как все случилось, ты мне всего не сказал?

"Вели мне обернуться человеком", – заурчал сердито.

– Что? – я глазами хлопнула. Ярочар посмотрел на меня с еще большей яростью. – Ладно, ладно, не смотри так. Обратись человеком.

Это что теперь, я им настолько повелеваю?

Ярочара туманом темным затянуло, а мигом спустя он снова предо мной в человеческом облике стоял. Руки перед собой вытянул, разглядывая.

Вот так дела! Он же проклят и днем не может, сам говорил! Как так вышло?

– Потрясающе... – выдохнул баюн. Не обращая больше на меня внимания, он подошел к раскрытой двери и шагнул за порог.

На крыльце встал, лицо свету солнечному подставляя и жмурясь от удовольствия.

– Сработало, – шепнул едва слышно. Но я-то услышала.

Нахмурилась, к нему подошла поближе.

– Почему мне кажется, что ты очень даже доволен тем, что случилось? – Я с прищуром подозрительным его оглядела.

Ярочар повернулся ко мне вдруг, порывисто два шага сделал, меня вдруг за пояс схватил, от пола оторвал и в воздухе закружил. Я вскрикнула невольно, за руки его ухватилась.

– Я теперь могу и днем человеком ходить, понимаешь?!

И все это с такой радостью во взоре!

На пол меня снова поставил, но отпускать не спешил, за плечи перехватил и в лицо мое вглядывался теперь, чуть дурной от свалившейся на него благодати.

А я и сама улыбнулась, заразившись от него этой веселостью.

– Сотня лет, почитай, прошла, как на коже свет солнечный ощущал! И проклятие теперь снять смогу окончательно!

И тут до меня доходить начало.

– Так ты что... специально это?

Ярочар усмехнулся.

– Без моей крови ритуал бы не закончился.

Вот и ответ. Значит, это он за нас двоих выбор сделал. Я-то по незнанию, да по глупости влипла, а он, выходит, знал, что делает.

И судя по веселым искоркам, что в янтаре его глаз плескались теперича, никакого сожаления баюн при этом не испытывал.

– Ой, брось, что так скисла вдруг? – по макушке меня вдруг потрепал, волосы взлохматил. Я от руки его увернулась раздраженно, шаг в сторону сделала. – Тут и тебе, и мне выгода. Тебя ж не меньше, чем на год сюда прислали? Вот подсоблю тебе чутка. А мне только и надобно, чтоб меня деваха полюбила какая. В деревнях окрестных знаешь дурех сколько?

Я его слушала и не понимала. Это ж каким надо быть?! Его что, история с проклятьем вообще ничему не научила?

– А потом уже разберемся, как связь промеж нами оборвать, не переживай! – довольный вон какой. Молодчик удалой, етить его налево!

– Ярочар... – произнесла я тихонько. Вкрадчиво так. Он бровь левую выгнул, меня внимательно слушающая. – А стань-ка ты обратно котом.

Глава 12

Улыбка с лица его мигом сползла, а сам он отшатнулся, словно я ему оплеуху влепила. Ну, по сути-то так оно и было, только фигуральную такую.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.